Ipob

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

БУДУЩЕЙ ИСТОРІИ

СИБИРИ

И

ССЫЛКИ МИХАЙЛОВА.

(Materialien zu einer zukünftigen Geschichte von Sibirien und der Verbannung Michailows.)

ЛЕЙПЦИГЪ:
Э. Л. Каспровичъ.

LEIPZIG:
E. L. Kasprowicz.

1881.

ПР
„Пров 38"
„Пров 49"

2 шк
М

225383

Объ завоеваніяхъ русскихъ въ Азіи много говорятъ за границей (правда, вздору), но очень немного въ Россіи. Тамъ ходъ нашей азіатской политики мало извѣстенъ, да и самая политика не возбуждаетъ къ себѣ вниманія ни новизною — потому что служитъ простымъ продолженіемъ системы Ермака и Хабарова, ни важностью результатовъ, хоть *Русскій Инвалидъ* и Крыжановскій распинались за послѣднее. Такимъ образомъ любопытные факты, съ которыхъ въ послѣдствіи будетъ начинаться исторія многихъ странъ, легко могутъ прійдти въ забвеніе, а это было-бы жаль. Хорошо бы сдѣлалъ кто-нибудь, написавъ исторію русскаго движенія въ Азіи хоть съ 1843 года. Но правительство едва-ли позволитъ это ... развѣ такому сладкоглаголивому чиновнику, какъ Петръ *де* Семеновъ, въ свое время „начальникъ географіи“

и директоръ статистическаго комитета, который почти ничего не писалъ, кромѣ лести сильнымъ міра сего, своимъ пріятелямъ и себѣ самому... Правительство такъ секретничаетъ съ азіатскими дѣлами, что даже кульджинскій трактатъ 1851 г., съ Китаемъ, обнародованъ только въ 1861 г., хотя это не болѣе, какъ договоръ о торговлѣ. Попробуемъ-же обнародовать хоть нѣсколько „примѣчаній“ для будущаго историка, совершенно отрывочныхъ, но, смѣемъ увѣрить, вполнѣ достовѣрныхъ. — A propos, заглянемъ и на Кавказъ, т. е. то-же въ русскую Азію.

Россія, 1867...

I. Восточная Сибирь.

4го Января 1854 г., Николай Павловичъ подписалъ, вопреки Нессельроде, муравьевскій проэктъ о занятіи Амура. Это число вырѣзано потомъ на золотой доскѣ при серебряныхъ часахъ сазиковской работы, которые въ 1861 г. бывшіе сослуживцы Муравьева подарили ему. Николаю Павловичу, какъ видно, хотѣлось подъ шумокъ войны, громившей западныя границы имперіи, сдѣлать пріобрѣтеніе на востокѣ, въ странѣ, безъ которой Сибирь безсмысленна, потому что лишена выхода. Но замѣчательно, что онъ при этомъ долго не зналъ: что̀ *нужно* взять и что̀ *можно* взять. Долго ломалъ онъ голову надъ этимъ вопросомъ, прикладывалъ линейку къ картѣ (буквально) и находилъ, что самая *естественная* граница была бы отъ Абагайту до устья Ляо по прямой линіи, ибо эта граница была бы короче всѣхъ прочихъ, а между тѣмъ отрѣзала бы 4/5 Маньчжуріи*), т. е. болѣе, чѣмъ всѣ остальныя возможныя границы. У Николая была страсть забирать то, что̀ плохо лежитъ, осо-

*) Тогдашній нашъ посолъ въ Константинополѣ, Игнатьевъ, бывшій въ 1857 г. военнымъ агентомъ въ Лондонѣ, даже увѣрилъ англичанъ въ существованіи именно подобной границы, почему она и была нанесена на одну изъ картъ цѣлаго свѣта, изданныхъ въ Англіи. Это очень интриговало лорда Эльгина въ Тань-цзинѣ, въ 1858 году.

бенно у такихъ безотвѣтныхъ людей, какъ китайцы... Ему однакожъ замѣтили, что для исполненія его проэкта придется замежевать такія страны, которыя недавно населены осѣдлыми маньчжурами и китайцами, а слѣд. всегда будутъ тянуть къ Китаю, т. е. доставятъ намъ много хлопотъ; по этому Муравьевъ уѣхалъ, получивъ разрѣшеніе „дѣйствовать по обстоятельствамъ и только не просить денегъ".

Деньги однакоже ему были даны и именно вотъ какимъ образомъ. Дозволено было не держать штатнаго числа чиновниковъ (ясное доказательство, что ихъ было много), а отпускаемое на нихъ жалованье частію употреблять на поощреніе остальныхъ, а частію на образованіе военнаго капитала, въ которомъ отчетъ представлялся только самому Николаю Павловичу. Потомъ отданы въ подобноеже распоряженіе Муравьева остатки отъ смѣтныхъ суммъ интендантства*), выручки отъ соловареннаго завода и пр. Войска Муравьевъ не просилъ, во-первыхъ потому, что былъ увѣренъ въ безкровности завоеванія, и во-вторыхъ потому, что только лишь создалъ забайкальскихъ казаковъ и хотѣлъ похвастаться, что это дѣйствительно воины, а не толпа поселянъ, которая годится только на охоту за бѣлками.

Кстати объ образованіи забайкальскаго войска. Муравьевъ, объѣзжая нерчинскій край въ 1849 г., убѣдился, въ какомъ жалкомъ положеніи находятся крестьяне, приписанные къ горнымъ заводамъ, принадлежавшимъ кабинету его величества. Онъ рѣ-

*) Смѣта интендантства составлялась и справки утверждались самимъ Муравьевымъ; слѣд. отъ него зависѣлъ размѣръ остатковъ. Это любопытно, какъ образчикъ финансовой администраціи при Николаѣ.

шился ихъ вырвать изъ хищныхъ лапъ горныхъ чиновниковъ. Но какъ-же достигнуть этаго? Отпустить ихъ просто на волю, какъ сдѣлали 10 лѣтъ послѣ со всѣми, Николай Павловичъ не согласился-бы: вотъ Муравьевъ и придумалъ казачество, благо оно отдавало еще ему 100,000 душъ въ непосредственное распоряженіе, какъ командующему войсками. Изъ Петербурга прислали офицеровъ обучать новое воинство артикуламъ, собирали полки и батальоны на нѣсколько недѣль лѣтомъ, отрывая отъ сельскихъ работъ, и занимали ученьями. Но еще въ 1860 г. эти любопытные ратники напоминали собою рекрутъ, которые начальнику говорятъ „баринъ, сударь“ и почесываютъ при этомъ затылокъ. О боевыхъ ихъ качествахъ и говорить не стоитъ: само правительство наконецъ отобрало у нихъ оружіе и признало по прежнему крестьянами, только оброчными, а не барщинными.

И такъ завоевательныя средства у Муравьева были: нѣсколько сотъ тысячъ (въ 1857 г. — 420,000 руб.), 4 полка старыхъ, кое-куда годныхъ казаковъ и 12 батальоновъ башибузуковъ, которымъ обыкновенно говорилось въ насмѣшку: „царь не знаетъ, что вы ему служите.“ Къ нимъ онъ могъ присоединить не болѣе двухъ батальоновъ регулярнаго войска и двѣ батареи... Этого впрочемъ было довольно, что-бы въ ту пору завоевать всю Маньчжурію, ибо китайцы ужасно боялись даже холостыхъ выстрѣловъ изъ пушекъ, а въ видѣ оружія имѣли дреколья съ наконечниками, окрашенными сѣрою краскою, подъ желѣзо.

Въ 1854 г. Муравьевъ упросилъ китайцевъ дозволить сдѣлать сплавъ по Амуру, будто бы для Камчатки. Построили два парохода (Аргунь и

Шилку, изъ которыхъ послѣдняя дѣлала потомъ лишь по 200 в. въ годъ), множество барокъ, нагрузили скотомъ и хлѣбомъ плоты и отправили два регулярные батальоны и нѣсколько казаковъ на низовья Амура, при чемъ заселили Маріинскъ и Николаевскъ.

Въ 1855 г., подъ тѣмъ-же предлогомъ „снабдить Камчатку да кстати и войска на устьяхъ Амура, которыя охраняютъ безопасность *обѣихъ* имперій“ послали еще экспедицію; съ ней двинулись и нѣсколько десятковъ крестьянскихъ семействъ, заселившихъ 3—4 деревни ниже Маріинска.

Въ 1856 г. новыхъ занятій не дѣлали; но за то устроили первую драму въ завоеваніи амурскаго края. О ней то мы скажемъ, потому что оффиціальныя лѣтописцы не посмѣютъ сказать. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ.

Муравьевъ лѣто 1856 провелъ въ Москвѣ и Петербургѣ, на коронаціи; дѣлами въ Иркутскѣ заправлялъ Заборинскій, а собственно на Амурѣ Корсаковъ, нынѣ благополучно сатрапствующій на берегахъ Ангары. Командѣ въ 600 человѣкъ, подъ начальствомъ маіора Обухова, велѣно было осенью вернуться изъ Николаевска за Байкалъ, пройдя для этого весь Амуръ (3100 верстъ) въ лодкахъ, на бичевѣ. Корсаковъ, желая при этомъ выиграть какъ можно болѣе времени, назначилъ командѣ идти по 40 верстъ въ день и по такому разсчету снабдилъ продовольствіемъ магазины вдоль по Амуру. Кромѣ того солдатамъ приказано было на ночлегахъ рубить дрова для пароходовъ на будущій годъ. Очевидно, что исполнить этихъ распоряженіи было нельзя, и послѣдствія вышло такого рода: Между Кумарой и Кутомандой, которыя отстоятъ одна отъ другой 400 верстъ, солдатъ

засталъ ледъ; идти бичевою или на веслахъ было нельзя, а продовольствія имѣлося всего на 10 дней. Побились, побились, да и пришли къ убѣжденію, что нужно идти въ разбродъ, чтобы охотиться по лѣсамъ, а больныхъ вести на салазочкахъ, коекакъ сбитыхъ. Тяжести всѣ побросали и остались въ легкой одеждѣ, которая едва защищала отъ морозовъ и сырости. 12 или 15 дней шли несчастные, все пріѣли, а до Кутаманды еще далеко. Тогда начали ѣсть отрядныхъ собакъ, подошвы, ранцевые ремны. Самъ Обуховъ три дни питался собственной моською. Наконецъ взялись за *людей*, потому что звѣрей встрѣчалося мало ... Въ 1857-9 годахъ, въ одномъ батальонѣ можно было встрѣтить унтеръ-офицера и солдата, съѣвшихъ юнкера и потому обложенныхъ эпитеміею. Это людоѣдство случилось такъ: они втроемъ составили было артель для охоты, но охота не удавалась. Протаскавшись дни четыре безъ пищи, они порѣшили пристрѣлить одного изъ самихъ себя, по жребію, въ пользу двухъ остальныхъ. Досталося юнкеру, и товарищи долго не рѣшалися убить юношу; наконецъ онъ заснулъ и тутъ былъ порѣшенъ выстрѣломъ... Весною 1857 г. можно было также видѣть много крестовъ на прибрежьѣ Амура: то были могилы прошлогоднихъ страдальцевъ. Графъ Путятинъ и Аввакумъ служили по нихъ панихиды, но конечно по очень немногимъ: вѣдь изъ 600 человѣкъ вернулися за Байкалъ только 270, а остальныя всѣ померли отъ болѣзней и съ голоду ...

Корсаковъ однако-же на коронацію былъ произведенъ въ генералы и утвержденъ атаманомъ.

Въ 1857 году заселили верховья Амура до буреинскихъ горъ; но какъ и кѣмъ заселили? Казаками, которыхъ судьбу описалъ четыре года

спустя Максимовъ, хотя конечно слишкомъ мрачными красками*). Казачество насъ съѣдало тогда.

Въ 1858 году — айгунскій трактатъ. Амуръ сталъ нашъ нетолько de facto, но и de jure. Послали кромѣ того экспедицію на рѣку Усури, для развѣдокъ, и заселили все пространство отъ Зеи до Усури. Это былъ годъ торжества Муравьева, но годъ бѣдствій для поселенцевъ. Холодные, голодные, почти безъ домовъ, безъ хлѣба, скота и проч., они спасены были только въ силу того, что Богъ, какъ сказалъ Филаретъ, поступаетъ съ нами не по правосудію, а по милосердію. Одни курьеры замучили своими поѣздками поселенцевъ, а дороговизна была такова, что за 20 яицъ, 2 бутылки молока и хлѣбъ въ 8 фунтовъ платили 5 руб. сер., за барана 8 руб. сер. и проч.

А тутъ еще Буссе!

Буссе, не тѣмъ будь помянутъ, былъ слабъ и мало способенъ, а впрочемъ незлой человѣкъ. Его Муравьевъ назначилъ губернаторомъ на Амуръ вѣроятно для того, чтобъ почетнымъ образомъ спустить изъ начальниковъ штаба. Онъ губернаторствовалъ 7 лѣтъ и не сдѣлалъ ничего для новаго края. Всѣ его подвиги состояли лишь въ томъ, что онъ отнималъ припасы и лодки у част-

*) Максимову, какъ и Завалишину, не слѣдуетъ много вѣрить. Первый изъ нихъ пріѣхалъ въ восточную Сибирь предубѣжденный, по порученію Константина Николаевича; второй положительно писалъ и пишетъ изъ личностей, потому что съ 1857 г. ему оказывалось со стороны Муравьева и Корсакова вниманія меньше прежняго. А оказывалось потому, что Завалишинъ, какъ старый морякъ, слишкомъ радушно встрѣтилъ Путятина въ Читѣ... Этаго рода личности у насъ рѣшительно запутываютъ исторію. Завалишинъ писалъ рѣзкія статьи объ Амурѣ, даже не видавши его, а только собирая слухи въ Читѣ.

ныхъ дицъ наивно увѣряя, что казнѣ *онъ нужнѣе, чѣмъ имъ,* да въ томъ, что заказавъ амурской компаніи, для Благовѣщенска фонари и пожарныя трубы, потомъ отказался, такъ что компанія, исполнивъ заказъ, понесла на нѣсколько тысячъ убытку. Этого рода подвиги были, впрочемъ, самыми обыкновенными на Амурѣ. Бѣлоголовый не Ротшильдъ, съ нимъ шутить было можно...

1859 годъ былъ ознаменованъ заселеніемъ рѣки Усури и попыткою провести границу въ пріусурійскомъ краѣ. Для послѣдней цѣли отправленъ былъ генеральнаго штаба подполковникъ Будогосскій, которому даны команды и 14,000 руб. сер. денегъ. Ни разграниченія онъ не сдѣлалъ, ни денегъ не воротилъ; но за то прославился варварствомъ даже въ Сибири, гдѣ нагайка и плеть были самою обыкновенною вещью. Одинъ солдатъ въ Хабаровкѣ былъ запоротъ имъ на смерть, нѣсколько другихъ до полусмерти, да и офицеровъ онъ не щадилъ. Руководствуясь личными отношеніями, онъ хотѣлъ даже *уморить голодомъ* своего сослуживца, Ельца, но это ему не удалось. Голодный, оборванный Елецъ, выйдя къ морю, дѣйствительно скитался недѣли двѣ по берегу, отчаяваясь въ приходѣ судна, которое бы отвезло его въ Николаевскъ, но наконецъ былъ спасенъ случаемъ. Транспортъ „Байкалъ“ зашелъ въ Ольгинскую гавань и принялъ его на бортъ. Бумага-же къ губернатору въ Николаевскъ пришла, по *преднамѣренному* распоряженію Будогосскаго, только въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, т. е. тогда, когда было-бы поздно отправлять корабль за Ельцомъ.

Будогосскій 8 Сентября 1859 г. былъ произведенъ въ полковники, получилъ 500 руб. пожи-

зненной пенсіи и теперь гдѣ-то командуетъ полкомъ, кажется у Коцебу, который однако-же не потерпѣлъ его въ генеральномъ штабѣ.

Въ 1859 году было еще одно любопытное событіе, касающееся Амура. Въ это время амурскій край былъ въ величайшей славѣ и множество крестьянъ изъ восточной и средней Россіи желали переселиться туда. Многіе крѣпостные даже выкупались для этаго отъ своихъ господъ, которые были рады сбыть ихъ, чтобы примежевать къ себѣ ихъ надѣлы до выхода ожидавшагося указа, да положить сотни двѣ-три рублей за *душу*. Составились двѣ большія партіи колонистовъ, въ 500 семействъ, которыхъ правительство и рѣшило переселить на Амуръ. Первая партія прошла черезъ всю Сибирь и теперь живетъ между Усури и Маріинскомъ; но со второй случился „маленькій казусъ", отлично рекомендующій нашу администрацію. Въ енисейской губерніи 1859 годъ былъ неурожайный. Муравьевъ писалъ министру государственныхъ имуществъ (Муравьеву-же, но вѣшателю), чтобы не торопился слишкомъ съ переселенцами и назначилъ имъ малые переходы или-же пріостановилъ въ западной Сибири, до подножнаго корма. Министерство госуд. им. распорядилось такъ: приказало изъ Омска повернуть колонистовъ вверхъ по рѣкѣ Иртышу, вмѣсто того, чтобъ направить ихъ въ Барабу, а затѣмъ предоставило генералъ-губернатору *западной* Сибири распорядиться съ ними какъ хочетъ. Гасфордъ въ это время собирался формировать пѣшіе казачьи батальоны, ему люди были нужны, вотъ онъ и рѣшилъ: поселить ихъ на Иртышѣ и обратить въ казаковъ. Провели поселенцевъ въ Семипалатинскъ и расположили по деревнямъ, будто-бы

на зиму, до дальнѣйшаго движенія на Амуръ по лучшей дорогѣ; потомъ губернатору Панову поручено было склонить переселенцевъ къ подписанію акта о томъ, что „они добровольно желаютъ остаться на Иртышѣ“. Но тутъ былъ встрѣченъ единодушный отпоръ. Бывшіе крѣпостные даже соглашались снова вернуться къ помѣщикамъ, лишь-бы нейдти въ казаки. Тогда шестерыхъ изъ нихъ посадили въ острогъ, и Пановъ, по предписанію свыше, призывалъ ихъ къ себѣ каждый день для усовѣщеванія (Пановъ вообще человѣкъ мягкій). Но усовѣщеванья не повели ни къ чему а между тѣмъ нужно было спѣшить окончаніемъ дѣла, ибо приближалась весна. Тогда посланъ былъ къ переселенцамъ адъютантъ Іолшинъ, которому приказано было объявить этимъ несчастнымъ, „что если они не подпишутъ просьбы о добровольномъ водвореніи ихъ на рѣкѣ Иртышѣ, то завтра же прійдетъ казачья сотня и насильно ихъ разведетъ въ назначенныя мѣста, а зачинщики пойдутъ въ рудники.“ Нечего дѣлать, поселенцы подписали актъ „добровольнаго согласія, просьбу“ и нынѣ разработываютъ пески, сосѣдніе Семипалатинску.

Стоило-бы еще сказать нѣсколько словъ о „сынкахъ“, т. е. штрафованныхъ солдатахъ, которыми Муравьевъ думалъ населить Амуръ въ угоду Сухозанету и Лауницу; но объ нихъ уже сказано кое-что Максимовымъ и другими. Да и штрафованные сами наказали Муравьева за то, что онъ такъ деспотически прогналъ ихъ черезъ всю Сибирь, переженилъ на каторжныхъ и публичныхъ женщинахъ и потомъ отдалъ въ работники казакамъ. Они захватили одну изъ казенныхъ барокъ и нѣкоторое время занимались пиратствомъ на

низовьяхъ Амура, при чемъ отрѣзали кухню самаго генералъ-губернатора. Мы не будемъ о нихъ говорить въ предположеніи, что и оффиціальный историкъ не скроетъ неудачной мѣры, которую само правительство спѣшило исправить уже въ 1861 году. А какъ послѣ 1859 года ни какихъ новыхъ захватовъ земель въ восточной Сибири не было*), то и перейдемъ теперь въ западную.

Оренбургъ, 20. Мая 1867.

P. S. Но прежде чѣмъ дѣйствительно перейдти въ западную Сибирь, разскажемъ еще одинъ фактъ, любопытный для исторіи нашего движенія въ восточной. Когда занятіе Амура началось, американцы, взглянувъ на карту, предположили, что колонизація береговъ такой большой рѣки пойдетъ столь-же быстро, какъ напр. Калифорніи и потому сообразили, что для облегченія дѣла весьма полезно соединить желѣзною дорогою верховья Амура съ Байкаломъ. У янки задумано, значитъ сдѣлано. Написали проэктъ дороги и представили Муравьеву; тотъ послалъ въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько времени получается отвѣтъ изъ Сибирскаго комитета съ приложеннымъ къ нему докладомъ Чевкина, что „де желѣзную дорогу проводить рано(?), что американцы *пожалуй* надуютъ, что они вытянутъ капиталъ изъ восточной Сибири, а потомъ откажутся отъ дѣла“ и проч. (американцы предлагали акціи продавать въ Америкѣ, а не въ Россіи)... „Все это, что написалъ Чевкинъ — вздоръ, замѣтилъ Бутковъ, передавая конвертъ

*) Но могло быть, ибо еще Муравьевъ, черезъ Деспотъ-Зеновича, позднѣйшаго тобольскаго губернатора, пыталъ пограничныхъ монгольскихъ князьковъ: не желаютъ-ли они взбунтоваться противъ Китая?

Ѳ. Беклемишеву для доставки по назначенію: вы такъ и скажите Николаю Николаевичу. А сущность въ томъ, что нельзя намъ пустить на Амуръ и въ Сибирь республиканцевъ: они разовьютъ тамъ свой духъ и Сибирь отвалится отъ насъ."

Вотъ онѣ тайныя пружины политики, высказанные неспособнымъ къ тайнѣ Бутковымъ! Не похоже-ли это на несогласіе открыть университетъ въ Сибири, несогласіе дважды заявленное правительствомъ подъ тѣмъ-же предлогомъ, что *рано?* Не выражаетъ-ли это *рано* то-же опасеніе за какой то духъ . . . конечно непріятный людямъ бездушнымъ.

II. Западная Сибирь.

Ходъ завоеваній въ западной Сибири въ теченіи XIX столѣтія замѣчателенъ тѣмъ, что никто, никогда не зналъ: по какому случаю онѣ начались, когда и гдѣ кончатся? Этого даже не знало само правительство въ Петербургѣ, пока наконецъ для обузданія завоевательныхъ тенденцій генералъ-губернаторовъ, не рѣшилось условиться о границѣ съ Китаемъ и передать южныя пограничныя земли въ оренбургское вѣдомство. Обыкновенно выставляли поводомъ къ движенію впередъ то, что-де хищники безпокоютъ передовую линію, слѣдовательно ее нужно прикрыть спереди . . . линіею-же, то есть рядомъ сначала укрѣпленій, а потомъ и станицъ, заселенныхъ казаками. Однѣ изъ первыхъ движеній за старую, екатерининскую линію сдѣланы были Броневскимъ, тѣмъ самымъ, который извѣстенъ за гомерическаго кутилу. Броневскій*) ходилъ въ степь для заложенія первыхъ укрѣпленій

*) Броневскій былъ начальникомъ штаба сибирскаго корпуса.

и потомъ торжествовалъ свои военные подвиги въ Омскѣ, разъѣзжая на эшафотной колесницѣ, съ колесомъ вмѣсто трубы въ рукахъ и въ сопровожденіи громадной толпы народа, батальона солдатъ и пушекъ, изъ которыхъ потомъ стрѣлялъ ядрами въ домъ коменданта (это вѣрно). Не мудрено, что подобнымъ широкимъ натурамъ было тѣсно на Иртышѣ и ихъ тянуло въ степь.

Мы начнемъ наши примѣчанія съ 1840хъ годовъ, когда генералъ-губернаторомъ былъ князь Горчаковъ (Петръ Дм.). Какъ оренбургское, такъ и сибирское начальство были тогда заняты ловлею извѣстнаго султана Кенисары, волновавшаго степь. Эта *ловля* была очень занимательна, *интересна*... но исключительно для ловившихъ. Подъ предлогомъ, что Кенисара предводительствуетъ конницею и что за нимъ гоняться въ степи трудно, все равно, что въ полѣ за вѣтромъ, высылали нѣсколько лѣтъ сряду цѣлые полки казаковъ о-дву-конь, чтобы побольше требовать фуража, т. е. денегъ, ибо какой-же въ степи фуражъ, кромѣ даруемой Богомъ травы? ни овса, ни даже сѣна въ ней нѣтъ. Начальники — и не только полковые, но даже сотенные — наживались страшнымъ образомъ. Артиллеріи поручикъ Аббакумовъ, командуя небольшими частями, нажилъ 30,000 рублей, есаулъ Волковъ, вернувшись съ „охоты“ въ Омскъ, выстроилъ себѣ прекрасный домъ и основалъ кожевенный заводъ, а подполковникъ Карбышевъ пріобрѣлъ кругленькую сумму 200,000 рублей.

Вообще степь завоевана казаками и все по той же системѣ, à la Ермакъ. Казаки, которыхъ полковникъ Слуцкій наивно называлъ *апостолами цивилизаціи* въ киргизской степи, шли за Иртышъ на службу и на грабежъ, дѣлавшій службу вы-

годною. Киргизы ихъ до такой степени боялись и боятся доселѣ, что если аулу приходится кочевать только *въ виду* (а въ степи видно далеко) казацкаго пикета, то на пикетъ посылается баранъ или два, смотря по многочисленности аула. Казаки хвастаются тонкостями въ грабительствахъ. Такъ напр. съ гордостью разсказывается ими слѣдующій анекдотъ. Нѣсколько казаковъ съ пикета украли корову и заперли ее въ цейхгаузъ, а преслѣдовавшимъ объявили: ищите, а если не найдете, то штрафъ за безчестіе. Когда-же киргизы указали на запертый чуланъ, то получили въ отвѣтъ: да у насъ и ключа отъ цейхгауза нѣтъ; поѣзжайте за нимъ на сосѣдній пикетъ къ офицеру. Киргизы поѣхали, но во время ихъ отсутствія и не смотря на присмотръ оставшихся, казаки успѣли вывести изъ чулана корову, разобравъ заднюю стѣну. Разумѣется, когда ключъ былъ привезенъ, въ чуланѣ не нашлось ничего, и киргизы заплатили, сверхъ пропавшей коровы, еще двухъ барановъ за безчестіе. Волы уводимые въ сапогахъ, бараны, отгоняемые стадами — не рѣдкость даже и нынѣ. Городокъ Аягузъ пришлось переносить съ мѣста на мѣсто, чтобы сдѣлать его торговымъ, и все таки цѣль не была достигнута, благодаря казачьему управленію. Первоначально мѣсто подъ городъ выбрано было у самой большой караванной дороги изъ Чугучака въ степь; но едва городъ возникъ, караваны стали ходить въ 30 верстахъ сѣвернѣе; перенесли его на новое мѣсто — татары вернулись на старый путь.

Въ 1854 году — опять въ томъ-же, какъ первая амурская экспедиція — основано было укрѣпленіе Вѣрное, у подножія Алатаускихъ горъ, а въ 1855 году около него возникла станица. Эта ко-

лонія отняла лучшія земли у киргизовъ Большой орды и вмѣстѣ навсегда замкнула въ наши предѣлы киргизскую степь. Гасфордъ торжествовалъ; онъ думалъ получить титулъ „Заилійскаго“ графа, подобно Муравьеву, получившему титулъ Амурскаго... Но титула не дали, и вотъ онъ сталъ обдумывать дѣйствительную войну — съ коканцами. Обширные доклады были написаны, чтобы убѣдить государя, что безъ взятія „крѣпостей“ Токмака и Пишпека, лежащихъ у нашихъ границъ и служащихъ центрами хищничества коканскихъ киргизовъ, спокойствіе невозможно. Самыя крѣпости были представлены чѣмъ-то серьезнымъ. Снарядили отрядъ въ 2000 человѣкъ (по степному очень большой), сформировали осадный паркъ, огромный обозъ съ хлѣбомъ и другими предметами, и все это предположено было ринуть на пожатіе лавровъ въ 1860 г... Вдругъ носъ! — Сухозанетъ, нелюбившій Гасфорда, прислалъ ему въ сотрудники, въ менторы Циммермана, который и взялъ „приступомъ“ и „правильною осадою“ Токмакъ и Пишпекъ. Это — любопытное въ комическомъ смыслѣ завоеваніе.

Токмакъ былъ лошадиное стойло, нѣчто въ родѣ жаровни изъ глины. Его запрещено было брать легкимъ отрядамъ въ предыдущіе годы собственно потому, чтобы придать всей войнѣ больше важности. Онъ и сдался Циммерману безъ выстрѣла, хотя Циммерманъ получилъ за то генерала. Пишпекъ былъ немножко побольше, но до такой степени ничтоженъ, что, когда Циммерманъ предположилъ противъ него *осаду,* долженствовавшую украсить реляцію, то единственная осадная траншея была поведена, на смѣхъ военному искуству, по прямой линіи къ укрѣпленію, такъ что даже всѣ

раненые въ ней были ранены въ ноги. Черезъ три дни Пишпекъ сдался, и Циммерманъ получилъ ленту, да добивался потомъ Георгія. Въ большое затрудненіе поставило великаго воеводу то — какіе-жь трофей послать въ Петербургъ? Не было даже ключей отъ крѣпости, потому что ворота извнутри подпирались бревномъ, къ почтовой пересылкѣ нѣсколько неудобнымъ. Вотъ нашъ и въ комендантской конюшнѣ замокъ хорошъ и при немъ ключъ, который и послали съ курьеромъ. Завоевавъ двѣ крѣпости, Циммерманъ бросилъ ихъ и уѣхалъ въ Россію, а коканцы немедленно возстановили Пишпекъ, и 20,000 рублей, израсходованные на экспедицію, пропали совершенно напрасно.

Системы и цѣли государственной очевидно въ военныхъ дѣйствіяхъ не было; да и какой-же хотѣть тутъ системы, когда въ Петербургѣ даже плохо знали географію средней Азіи. Когда реляція о Пишпекѣ появилась въ газетахъ, генералъ-адъютанты, министры спрашивали: что это такое и гдѣ лежитъ? на Кавказѣ или въ Китаѣ? Даже укрѣпленіе „Вѣрное“ обыкновенно считалось кавказскимъ (3500 вёрстъ). Петръ де Семеновъ пріобрѣлъ славу ученаго, глубокомысленно выдавая себя за знатока этихъ отдаленныхъ пустынь, гдѣ „Вѣрное“ лежитъ будто бы среди абрикосовыхъ рощь. Онъ восхвалялъ ихъ величіе, горную ихъ природу, кровавыя войны между туземцами, въ которыхъ ему приходилось быть миротворцемъ, забывая даже то, что онъ большую часть времени въ Сибири провелъ за картами у Панова или въ Омскѣ. Подвигъ Циммермана показался въ Петербургѣ чѣмъ-то родѣ измаильскаго штурма; Сухозанетъ о немъ телеграфировалъ государю за границу.

Съ 1860 года, т. е. съ удаленія Гасфорда и за-

мѣны его безвѣстнымъ и поврежденнымъ Дюгамелемъ, правительство начало подумывать о томъ, что дѣлать въ степи, на чемъ остановиться? Прежде всего рѣшились покончить съ Китаемъ, чтобы отнять у генералъ-губернаторовъ всякую возможность къ военнымъ подвигамъ въ этомъ направленіи. Снарядили коммиссію для разграниченія и послали ее въ Чугучакъ; но тутъ вышелъ забавный скандалъ. Начальникомъ коммиссіи былъ Бабковъ, который по первой заповѣди о блаженствѣ будетъ непремѣнно въ царствѣ небесномъ. Онъ забылъ въ Омскѣ попросить себѣ полномочіе, которое было совершенно необходимо въ дѣлѣ съ такими формалистами, какъ китайцы; а потому, когда коммиссія прибыла въ Чугучакъ, китайскіе уполномоченные отказались имѣть съ ней дѣло, требуя кредитивныхъ грамотъ за государственною печатью. Бабковъ, совершенно растерявшійся, не зналъ что дѣлать, и наконецъ придумалъ. Выпросилъ у консула Скачкова фактуру семипалатинской таможни и ее предъявилъ какъ кредитивную грамоту, потому что на ней былъ государственный гербъ. Но китайцы смекнули въ чемъ дѣло. „Что это вы предлагаете намъ счетъ изъ лавочки вмѣсто государственной грамоты? Вы, какъ видно, обманщики...“ Переговоры тянулись потомъ два года и кончились въ сущности ничѣмъ, ибо въ 1863 году началось возстаніе Дунганей, и китайцамъ стало не до пограничной коммиссіи.

Мы замѣтили, что правительство съ 1860хъ годовъ начинаетъ подумывать о киргизской степи, и дѣйствительно, его стремленіямъ въ этомъ случаѣ нельзя не вѣрить: онѣ выразились въ снаряженіи особой экспедиціи для изученія края, его

обычаевъ, нравовъ и проч. Но вотъ вопросъ: имѣетъ-ли само правительство ясную идею о томъ, къ чему должно стремиться въ этомъ краѣ, завоеваніе котораго окончилось едва 10—12 лѣтъ назадъ? Очень сомнительно; оно никогда не отличалось подобной предусмотрительностью и дѣйствовало весьма безсистемно. По этому мы и не удивляемся, что посланная въ 1864—65 г. коммиссія Гирса и К°. пока не выработала ничего прочнаго. (Да и самый дѣльный, самый знающій членъ ея, Гутковскій, умеръ въ настоящемъ году.) Трудно пока сказать, чего хочетъ правительство, чего должны ждать отъ него киргизы. Будутъ-ли заводиться школы, или станутъ хлопотать о мечетахъ? Станутъ-ли утверждать адатъ, шаріатъ или-же введутъ нѣчто въ родѣ гасфордовой религіи, смѣси исламизма и протестантства? Останутся-ли по прежнему приказы, въ которыхъ всѣмъ ворочали непремѣнные члены, и старшіе султаны сидѣли куклами, или, на оренбургскій манеръ, вся степь будетъ подчинена султанамъ, безъ приказовъ и непремѣнныхъ членовъ? Взявъ въ соображеніе нашу любовь къ чиновничеству, нельзя, кажется, сомнѣваться, что приказы и канцеляріи восторжествуютъ, т. е. отъ положенія Сперанскаго отступленій большихъ не будетъ, хотя канцеляріи — язва степи и всегда будутъ ненавистны народу, потому что онъ кочевой и живетъ воздухомъ степи, имѣющей остаться степью на вѣки.

Мы не станемъ здѣсь говорить о подвигахъ сибирскаго воинства подъ начальствомъ Черняева, совершенныхъ въ послѣднее время: они принадлежатъ уже оренбургскому періоду управленія нашей туркестанской границей. Но мы позволимъ себѣ спросить почтеннаго покорителя Ташкента: зачѣмъ

штурмовалъ онъ Аульеата, когда жители его сами изъявляли готовность покориться? Неужели кровь лилась для реляцій? Это слишкомъ ужъ по кавказски.

Самара, 22. Мая 1867.

III. Оренбургскій край.

Нигдѣ безсистемность, безпутность русской азіатской политики не сказалась такъ рѣзко, какъ въ Оренбургѣ. Это легко пойметъ всякій при одномъ наименованіи оренбургскихъ генералъ-губернаторовъ за послѣдніе 25—30 лѣтъ и изъ коротенькихъ замѣтокъ объ ихъ управленіяхъ.

Сначала *Перовскій* въ I-й разъ. Натура широкая, онъ хватаетъ прямо за корень, идетъ въ Хиву, чтобы сразу и степь замирить навсегда, а англичанамъ запереть дорогу въ среднюю Азію. Но это ему не удается. Кто-то увѣрилъ его, что въ Хиву нужно идти зимою, и онъ идетъ; не дойдя половины дороги, теряетъ половину солдатъ и 12,000 верблюдовъ, набранныхъ у киргизъ, за тѣмъ возвращается въ Оренбургъ съ сознаніемъ, что дѣлалъ неудачный набѣгъ... въ собственныя владѣнія. А англичане тѣмъ временемъ проникаютъ и въ Бухару, и въ Хиву... Перовскій считаетъ, что „степь должна всегда оставаться степью, а киргизы — номадами“. Онъ не позволяетъ за Ураломъ вспахать и клочка земли, скосить десятину луговъ. Онъ даже не устроиваетъ тамъ ни одного укрѣпленія, за исключеніемъ впрочемъ китайскаго вала, которымъ думалъ отгородить пространство между Орскою, Верхнеуральскомъ и Звѣриноголовской и который доселѣ, на протяженіи 18ти верстъ, стоитъ памятникомъ невѣжества и безумія.

Перовскій смѣненъ, его заступаетъ *Обручевъ*. Тутъ, совершенно напротивъ, захватываютъ всю сѣверозападную часть степи, выгоняютъ изъ нея киргизъ и заселяютъ казаками, причемъ Обручевъ олицетворяетъ весь свой формулярный списокъ въ видѣ Бородина, Лейпцига, Феръ-Шампенуаза, Парижа и пр. — жалчайшихъ деревушекъ, въ которыхъ только дисциплина заставляетъ жить казаковъ. Въ противоположность Перовскому Обручевъ строитъ въ степи постоянныя укрѣпленія и не любитъ подвижныхъ, дорого-стоющихъ и недостигающихъ цѣли отрядовъ. При этомъ на одномъ изъ этого рода докладовъ по подобнымъ дѣламъ Николай пишетъ собственоручно: *„кажется,* что на Сыръ-дарьѣ лучше будетъ устроить укрѣпленіе, чѣмъ на Эмбѣ," какъ будто 400 вёрстъ песковъ между Эмбою и Сыромъ для него ничего не значатъ. Это знаменитое *кажется* и положило начало нынѣшней сыръ-дарьинской линіи, и стало быть, завоеваніямъ въ Туркестанѣ. Оно ясно доказываетъ, что Николаю Павловичу только казалось, что Сыръ-дарья лучше для округленія степи, но что прочнаго убѣжденія онъ не имѣлъ. Обручевъ-же вовсе не думалъ идти такъ далеко. Онъ русскія владѣнія предполагалъ ограничить съ юга безплодными и безводными степями Усть-Урта, Кара-Кума и Бедпакъ-Дала, руководствуясь Mémoires de Napoléon, гдѣ говорится, что степи — самыя неприступныя изъ границъ (конечно для регулярныхъ армій).

Обручевъ, раззорившій Башкиръ посылкой ихъ въ степь съ подводами для перевозки казенныхъ тяжестей, сданъ въ архивъ, и на его мѣсто во 2-й разъ посаженъ *Перовскій*. Тутъ опять прежняя исторія: степь не заселяютъ, ее держутъ въ покор-

ности подвижными отрядами, какъ будто цѣль наша завтра-же уйдти вонъ, оставивъ киргизъ свободными. Но столкнувшись на Сырѣ съ коканцами, Перовскій вынужденъ взять у нихъ Ахмечетъ. Возникаетъ цѣлый рядъ укрѣпленій, даже флотилія на Аральскомъ морѣ... впрочемъ изъ такихъ пароходовъ, которые нужно возить на людяхъ вмѣсто того, чтобы они возили людей.

Перовскій сталъ старъ, занимался развратомъ и, хотя остался „рыцаремъ чести“, но ничего не видѣлъ вокругъ себя, а потому просилъ о присылкѣ другаго, свѣжаго человѣка. Послали сѣдаго какъ лунь *Катенина,* который при этомъ обѣщалъ не завоевывать больше клочка земли, чтобы не бросать денегъ въ бездонную яму, чтобы не приходилось бревна возить изъ Оренбурга въ фортъ Перовскій (1400 в.) на вьюкахъ. Катенинъ пріѣзжаетъ, живетъ большимъ бариномъ, обжирается, ѣдетъ въ степь съ пышностью сатрапа персидскаго*), и пишетъ оттуда знаменитое письмо къ Ив. Толстому, бывшему товарищу Горчакова, гдѣ доказываетъ, что „воевать намъ нужно, что нельзя остановиться раньше, какъ у Мешхеда, Герата и Балка“. Катенина слушаютъ, какъ слушали всѣхъ другихъ (за недостаткомъ государственнаго опредѣленнаго взгляда), посылаютъ экспедиціи въ землю туркменовъ (Дандевиль), въ устье Аму-дарьи (Черняевъ), къ сторонѣ Хивы (Мейеръ), въ Каратов-

*) Отправляясь въ степь, Катенинъ объявилъ, что не желаетъ парадныхъ встрѣчъ. Тѣмъ не менѣе пограничная коммиссія собрала 60 тысячъ рублей съ одного западнаго отдѣла орды именно для этой цѣли. Куда дѣлись эти деньги, долженъ знать В. Григорьевъ, біографъ Грановскаго.

скія горы и пр. Но такова непослѣдовательность въ дѣйствіяхъ правительства, что рядомъ съ этими предпріятіями, имѣющими завоевательную цѣль, отправляется въ Бухару и Хиву посольство Игнатьева для заключенія торговыхъ трактатовъ, какъ будто мы думали уважать цѣлость, независимость этихъ ханствъ, какъ будто хлопотали замѣнить въ средней Азіи le droit de conquête par le droit des gens.

Катенинъ, любившій насвистывать въ своемъ кабинетѣ, когда его считали занимающимся дѣлами, умираетъ, объѣвшись въ Уральскѣ разныхъ рыбныхъ сластей и оставивъ 100,000 долгу казнѣ. Въ сознаніи необходимости посадить въ Оренбургъ дѣльца и *честнаго* человѣка, посылаютъ туда *Безака,* котораго только года за четыре выгнали изъ артиллерійскаго вѣдомства за какія то денежныя дѣла. Безакъ подвигается въ степи à pas lents и едва-ли не первый занимается устройствомъ страны. Онъ переводитъ киргизъ изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ они состояли чуть-ли не девяносто лѣтъ, устроиваетъ почтовыя сообщенія съ Сыръ-дарьей и освобождаетъ башкиръ отъ военной службы, состоявшей въ перевозкѣ тяжестей на подводахъ. Безакъ распорядителенъ, онъ записываетъ дурныхъ чиновниковъ въ черную книжку, объявляетъ даже объ этомъ въ газетахъ; отъ него ждутъ чего-то серіознаго. Но вдругъ только-что украшенный андреевской лентою Анненковъ оказывается неспособнымъ въ югозападномъ краѣ — Безака берутъ отъ башкиръ и киргизовъ и посылаютъ въ Кіевъ.

Тогда является *Крыжановскій,* его родственникъ, ужасная попрошайка, любитель подъемныхъ денегъ и всякаго рода пособій, покровитель своихъ род-

ныхъ*) и, по общему, единодушному и справедливому мнѣнію — шарлатанъ и хвастунъ. Хвастовство его простирается до того, что онъ вслухъ говоритъ, что въ Россіи нѣтъ другаго генерала, который можетъ занять мѣсто главнокомандующаго въ европейской войнѣ и прибавляетъ, что мѣсто это ему обѣщано государемъ. Мы могли бы пройти его молчаніемъ, какъ человѣка, который не найдетъ мѣста въ исторіи по совершенному ничтожеству своей дѣятельности; мы и промолчали бы, если бы его біографія не служила доказательствомъ того, что въ Россіи люди выходятъ не способностями, не твердымъ характеромъ, а именно ихъ отсутствіемъ, совершенной безцвѣтностью и однимъ лишь умѣньемъ поддѣлываться къ сильнымъ міра сего. Разсмотримъ-же эту біографію, на сколько, конечно, то нужно для объясненія административнаго поприща теперешняго оренбургскаго генералъ-губернатора.

Крыжановскій человѣкъ совершенно случайный и попалъ въ широкую сферу, какъ говорится, фуксомъ. Его дѣло было завѣдывать артиллерійскою школою, и тутъ онъ былъ, пожалуй, на мѣстѣ. Сухозанетъ, знавшій его въ Севастополѣ, слышавшій его лестные о себѣ отзывы въ Петербургѣ и желавшій окружить себя людьми предан-

*) Изъ множества ихъ приведемъ хоть одного Юнія, котораго Крыжановскій тянетъ, какъ говорится, за уши и исторія котораго попала въ газеты. Этотъ зять Крыжановскаго объявилъ, что онъ „открылъ на Сыръ-дарьѣ русскую Помпею, которая по просвѣщенному распоряженію генералъ-губернатора охраняется отъ дальнѣйшаго разрушенія". Расчетъ на славу былъ вѣренъ; но увы! русская Помпея оказалась мусоромъ, неимѣющимъ историческаго значенія и давно извѣстнымъ.

ными, ему всѣмъ обязанными, думалъ было назначить его директоромъ канцеляріи военнаго министерства, но получилъ любопытный щелчокъ, который и былъ пьедесталомъ для Крыжановскаго. Нынѣшній оренбургскій губернаторъ не хотѣлъ идти въ эту должность безъ прибавки жалованья въ 10,000 руб. и увольненія отъ обязанности дѣлать доклады товарищу министра, Милютину. Сухозанетъ недѣли двѣ съ нимъ торговался, и наконецъ они сошлись на 8,000 рубляхъ и увольненіи отъ Милютина. Затѣмъ Сезострисъ изъ приличія написалъ вел. князю Михаилу Николаевичу, какъ генералъ-фельдцейхмейстеру, не встрѣчается-ли препятствій къ переводу Крыжановскаго на другое мѣсто? Тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ, но ходившіе по городу слухи о торгѣ передалъ государю. Этотъ разсердился и во время однаго изъ докладовъ спросилъ у Сухозанета:

— Правда-ли, в. в-во., что у васъ въ министерствѣ готовятся важныя измѣненія въ составѣ директоровъ?

— Такъ государь, отвѣчаетъ Сухозанетъ: генералъ Лихачевъ просится изъ директоровъ канцеляріи.

— Кого же имѣете вы въ виду на мѣсто его?

— Генерала Крыжановскаго, государь.

— Ну и вы съ нимъ говорили объ этомъ?

— Говорилъ, государь.

— Я слышалъ даже, что онъ требуетъ какихъ-то особыхъ условій?

— Да, государь. Крыжановскій человѣкъ не богатый, онъ проситъ прибавки къ жалованью.

— Сколько-же нужно ему?

— Восемь тысячь рублей.

— Ну, и вы обѣщали ему?

— Обѣщалъ.

— Но изъ какихъ-же суммъ?

— У меня есть въ распоряженіи суммы военнаго министерства.

— А другихъ условій не было?

— Онъ проситъ уволить его отъ докладовъ Милютину.

— Вы и это ему обѣщали?

— Обѣщалъ, государь.

— Позвольте-же спросить, в. в-во. — возразилъ наконецъ Александръ Николаевичъ — въ какой арміи служите вы, въ русской или въ турецкой? Вы, стражъ военныхъ законовъ и дисциплины, позволяете себѣ явно ихъ нарушать... А чтобы вамъ было памятно это, такъ объявляю вамъ, что генералъ Крыжановскій директоромъ у васъ не будетъ. Хотѣли сдѣлать, такъ должны были обратиться не къ нему, а ко мнѣ."

Сухозанетъ, расплаканный, поѣхалъ изливать горе свое къ Герштенцвейгу, государь же *изъ деликатности,* чтобъ не обидѣть Крыжановскаго, котораго исторія огласилась, сдѣлалъ его начальникомъ штаба въ Варшавѣ. Вотъ начало карьеры его.

Начальникомъ штаба въ Варшавѣ Крыжановскій пробылъ недолго. Не съ его головой было вести дѣла во время борьбы съ возстаніемъ въ краѣ. Его убрали въ Петербургъ, и тутъ онъ сталъ заискивать у того самаго Милютина, которому прежде не хотѣлъ дѣлать докладовъ. Милютинъ выпросилъ ему, какъ покаявшемуся, мѣсто помощника по военной части у Муравьева; но Крыжановскій и здѣсь показалъ, что онъ человѣкъ совершенно пустой. Объѣзжая войска для смотровъ, онъ вездѣ говорилъ: „я, у меня" и т. п., давая

понять, что онъ уже назначенный Муравьеву преемникъ. Мало того, тайкомъ поѣхалъ изъ Гродно въ Варшаву и здѣсь сталъ спрашивать у Берга совѣтовъ: какъ бы дѣйствовать въ согласіи съ нимъ, какъ держаться одной политики(!), т. е. по просту хотѣлъ подмазаться къ Бергу на всякій случай. Бергъ, испытанный придворный интригантъ, не хотѣлъ дѣлать непріятностей всесильному тогда Муравьеву связью съ его ненадежнымъ помощникомъ: онъ написалъ въ Вильно письмо, что-де очень жалѣетъ объ удаленіи Муравьева и никогда не повѣрилъ бы ему, если бы не слышалъ отъ Крыжановскаго. Тогда Муравьевъ разсвирѣпѣлъ, и Крыжановскій полетѣлъ за границу. Наконецъ Безакъ указалъ на него, какъ на преемника себѣ въ Оренбургѣ, чтобы назначеніемъ родственника прикрыть кое-какіе грѣшки. Вотъ исторія назначенія его генералъ-губернаторомъ въ краѣ съ 4 милліонами населенія самаго разнороднаго, гдѣ нужно хорошо знать и бытъ инородцевъ, и законы, для нихъ существующіе, въ краѣ, гдѣ приходится дѣлать завоеванія уже не безлюдныхъ степныхъ пространствъ, а густо-населенной страны, гдѣ есть своего рода цивилизація, сильный торговый классъ и не менѣе сильное мусульманское духовенство...

Крыжановскій ничего не понимаетъ ни въ гражданской, ни даже въ военной администраціи, пишетъ безпрестанно проэкты и посылаетъ ихъ въ Петербургъ, откуда они обыкновенно возвращаются съ ироническими отвѣтами. Министры его не ставятъ въ грошъ, и онъ у нихъ обылъ всѣ пороги. (Конечно, большинство министровъ довольно этимъ; такіе генералъ-губернаторы, какъ Муравьевъ или Катенинъ, дерзавшіе сноситься съ самимъ государемъ и державшіеся прилично, не

унижаясь, имъ острый ножъ.) Дм. Милютинъ держитъ его, кажется, лишь для того, чтобы насмѣшливой снисходительностью посильнѣе унизить, т. е. отомстить, за прежнее поведеніе*). Въ краѣ надъ нимъ смѣются, да и нельзя не смѣяться. Черняевъ прямо сказалъ адъютанту Крыжановскаго, пришедшему пригласить его къ генералъ-губернатору въ Ташкентѣ: „зачѣмъ я пойду? что скажетъ онъ путнаго? Онъ такой-же губернаторъ, какъ я; да я еще ханъ**), такъ унижаться мнѣ передъ нимъ не слѣдуетъ.“ — И пошелъ не въ мундирѣ, а въ кителѣ.

Но мы уклонились отъ сущности дѣла, отъ хода завоеванія и эпизодовъ, сопровождавшихъ его и могущихъ быть интересными для будущаго историка. Досадно признаться, а еще никогда и нигдѣ, кромѣ Кавказа, обманъ, шарлатанство не достигали такихъ размѣровъ, какъ въ Туркестанской области. Черняевъ честный человѣкъ и способный — но до-

*) А propos, нельзя не замѣтить исключительнаго вліянія Милютина въ назначеніи генералъ-губернаторовъ. Всѣ они военные генералы, всѣ командующіе войсками. Создавая военно-окружныя управленія, Милютинъ очевидно имѣлъ въ виду это, т. е. прямо мѣтилъ забрать въ свои руки назначеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣйствующихъ лицъ въ провинціяхъ. Отъ чего бы напр. теперь въ Оренбургѣ не имѣть штатскаго генералъ-губернатора? Вѣдь всѣ войска этого края въ Туркестанской области, гдѣ есть военный губернаторъ изъ генераловъ.

**) Любопытна комедія, по случаю которой Черняевъ былъ ханомъ. Правительство, боясь англичанъ, не сразу присоединило Ташкентъ, взятый приступомъ. Оно объявило его самостоятельнымъ ханствомъ; но ташкентскіе старшины выбрали въ ханы русскаго генерала Черняева, который слѣд. одно время de jure былъ равенъ не только Крыжановскому, но Карлу Румынскому, Пашѣ египетскому и разнымъ царькамъ, стоящимъ по табели и рангахъ выше генералъ-губернаторовъ.

пустилъ своихъ подчиненныхъ раскрасть 400,000 рублей и любилъ писать реляціи по кавказски. Онъ перещеголялъ даже Циммермана въ дѣлѣ представленія трофеевъ своихъ побѣдъ: — посланные въ Петербургъ ключи Ташкента были просто заказаны слесарю 4го линейнаго оренбургскаго батальона. Смѣнившій его Романовскій оказался человѣкомъ положительно ненадежнымъ. Онъ нетолько морочилъ правительство реляціями — объ Ирджарской битвѣ, которую иностранныя газеты сравнивали съ Плесси и которая была выиграна 2 — 3 ротами и 4 орудіями изъ любопытства солдатъ, безъ приказанія и даже безъ вѣдома начальствъ; о взятіи Ходжента, гдѣ по реляціи одна рота сдѣлала 22 версты кажется въ $1^1/_2$ часа, не только, говоримъ мы, онъ пускалъ правительству пыль въ глаза реляціями, но и первый уронилъ русское имя въ Ташкентѣ и вообще въ Туркестанѣ. Задавшись мыслію рисоваться предъ обществомъ (слава Черняева возбуждала зависть), онъ безпрестанно издавалъ прокламаціи и говорилъ рѣчи, возбуждавшія недоумѣнія, смѣхъ и наконецъ негодованье народа. Одну изъ такихъ рѣчей онъ сказалъ ташкентцамъ, чтобъ обругать ихъ муфтія, главу ихъ духовенства; но тутъ попался. Огорченный ругательствами старикъ обратился къ толпѣ съ вопросами: „обидѣлъли я кого изъ васъ, правовѣрные, въ двадцать лѣтъ?...“ Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... — „Сдѣлалъ-ли кому неправду?...“ Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... — „Научалъ-ли къ непокорности законамъ?“... — Нѣтъ, нѣтъ!... И волненіе сдѣлалось такъ велико, что въ толпѣ пошелъ гулъ противъ новаго губернатора, спѣшившаго удалиться. А какъ Романовскій притомъ былъ въ долѣ съ русскими купцами по части торговой; то скоро у мѣстныхъ жителей

и составилось понятіе, что къ нимъ присланъ не правитель, а откупщикъ, точно такъ-же, какъ были присылаемы беки отъ коканскаго хана... Хорошо, что правительство убрало Романовскаго черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ его вступленія въ должность.

Мы могли бы наполнить цѣлые листы „анекдодами“ объ оренбургскихъ завоеваніяхъ; но полагаемъ достаточнымъ разсказанныхъ выше. „Анекдоты“, т. е. рельефные факты мы приводимъ и приводили не для того, чтобы посмѣшить другихъ, а чтобъ сохранить лучше въ ихъ памяти общій колоритъ всей картины завоеваній, которой очеркъ принадлежитъ исторіи. Какіе-же общія причины заставляли и заставляютъ насъ завоевывать край, который, по сознанію самихъ его жителей, созданъ богомъ во гнѣвѣ, ибо состоитъ изъ обширныхъ пустынь и небольшаго лишь числа оазисовъ, у подножія горъ? Скажемъ откровенно: губернаторамъ и генераламъ нравятся легкія побѣды, дешевые лавры; они-то и ведутъ правительство, *не имѣющее общей программы, сознательно выработанной.* Въ цѣломъ составѣ административной машины за послѣдніе 20 лѣтъ, быть можетъ, только двое понимали вещи по ихъ существу: Ковалевскій и Муравьевъ; но за то они и сданы въ архивъ, облитые желчью разныхъ чиновниковъ I, II и III классовъ съ больною отъ зависти печенью. Кажущееся вниманіе, которое оказываетъ правительство завоеваніямъ въ Туркестанѣ, есть только кажущееся, безплодное по своему существу, потому что правительство не знаетъ покореннаго края. Фальшивыя депутаціи, по назначенію, а не по выборамъ, въ родѣ снаряженной Крыжановскимъ и Романовскимъ, не поведутъ ни къ чему, развѣ

только къ случайнымъ открытіямъ лжи, въ родѣ сдѣланнаго наслѣдникомъ, которому депутаты сказали по русски, что „переводчики обманываютъ весь Петербургъ, передавая не то, что говорятъ они, депутаты“, обманываютъ конечно по распоряженію свыше.

Соборъ, господа, соборъ всей русской земли, на которомъ нужды всѣхъ народовъ ея могли-бы быть высказываемы передъ русскимъ народомъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ, и быть удовлетворяемы не по прихотямъ генераловъ и бюрократіи, а по ихъ дѣйствительной настоятельности! Тогда и завоеванія будутъ сознательны, тогда они и стоить будутъ дешевле, и обманъ исчезнетъ предъ свѣтомъ гласности. И пусть не морщатся отъ этой мысли князь Горчаковъ или военный министръ, которыхъ таланты мы уважаемъ; пусть утѣшатся хоть тѣмъ, что вѣдь лорды Станлей, Пальмерстонъ и проч., есть и были *ограниченными* министрами, а между тѣмъ на вѣсахъ міровой политики и въ своей странѣ вѣсили больше, чѣмъ всѣ русскіе министры прошедшіе, настоящіе и ... неужели сказать — и будущіе!

Соборъ, господа, соборъ! Въ немъ вы почерпнете и сознаніе нашихъ силъ, нашего могущества, котораго вамъ (но не народу) недостаетъ со времени Крымской войны.

Ст. Татищевская, 24. Мая, 1867.

IV. Кавказъ.

Въ началѣ этихъ замѣтокъ мы упомянули вскользь, что заглянемъ à propos на Кавказъ. Пожалуй заглянемъ. Но тутъ нѣтъ возможности не только съ достаточною подробностью охватить 60-лѣтній

обманъ, которымъ морочили и раззоряли русскую землю; но даже и пятую часть этого обмана, т. е. послѣдніе 10—12 лѣтъ предъ замиреніемъ края.

Намъ нѣтъ нужды говорить, какъ генералы à la Завадовскій предпринимали набѣги въ горы для отбитія стадъ, которыя потомъ отправляли къ себѣ въ имѣнія.

Намъ нѣтъ нужды говорить, что въ 1851 году нынѣшняго государя мѣстныя власти не пустили смотрѣть укрѣпленіе Ахметовское, говоря, что на дорогѣ стоитъ непріятель, тогда какъ въ сущности по дорогѣ стояло дурное состояніе укрѣпленія. Намъ не нужно припоминать мистификацію, сдѣланную по этому случаю Едлинскимъ, который былъ высланъ противъ несуществовавшаго непріятеля, стрѣлялъ по немъ картечью и за это получилъ Станислава на шею.

Намъ нѣтъ нужды говорить, что Муравьевъ, пріѣхавъ въ 1854 г. въ Тифлисъ, писалъ Николаю Павловичу, что не нуждается въ подкрѣпленіяхъ для войны съ Турками, потому что нашелъ 40,000 солдатъ на огородахъ у лицъ начальствующихъ.

Не стоитъ упоминать о томъ, что въ цѣлой кавказской арміи перестрѣлки съ непріятелемъ завязывались главнымъ образомъ для полученія потомъ свидѣтельствъ на убитыхъ лошадей, сломанное оружіе и выпущенные патроны, тогда какъ лошади были цѣлы, оружіе поломано внѣ перестрѣлокъ, а патроны проданы горцамъ черезъ армянъ.

Не стоитъ говорить о томъ, что полковникъ Преображенскій сжегъ свой цейхгаузъ (пустой) въ Майкопѣ, чтобы получить во-второй разъ всю обмундировку на Кубанскій полкъ (5200 чел.),

обмундировку, которая была цѣла и сохранялась въ ст. Тенгинской. Не стоитъ упоминать и о томъ, что полковникъ Левашевъ повторилъ ту-же штуку не огнемъ, а водою, утопивъ свои годовыя вещи въ Кубани (при чемъ Евдокимовъ, улыбаясь, замѣтилъ: „ну, наконецъ ставропольскій полкъ получитъ сукно моченое“).

Не заслуживаетъ упоминанія то, что какой-нибудь Горшковъ, прокомандовавъ 5 лѣтъ полкомъ, увезъ съ Кавказа 120,000 рублей, что для этого у него 600 семейныхъ солдатъ 5 лѣтъ сряду отбывали трехдневную барщину, не ходя на царскую службу.

Это все „анекдоты“ извѣстные каждому на Кавказѣ, отъ генерала, котораго они поучали, до солдата, который ими тѣшился на бивакахъ.

Но вотъ „анекдоты“ менѣе популярные.

Въ 1860 году кн. Барятинскій далъ 500,000 рублей, изъ суммъ черноморскаго войска, Новосельскому, чтобы завести пароходство на Кубани, при чемъ условились: одинъ — доставить пароходы и содержать сообщенія до станицы Тифлиской, а другой, отъ имени казны — сдѣлать Кубань удобною къ судоходству, особливо при устьяхъ. Для пущей важности обращена была въ портъ жалкая деревушка Темрюкъ. Но Кубань осталась нерасчищенною (да и нельзя ее расчистить), пароходовъ Новосельскій не доставилъ, пароходства доселѣ нѣтъ: — гдѣ-же полмилліона рублей?

Въ 1862 году гр. Евдокимовъ стоялъ цѣлый февраль у Ханскаго брода на Бѣлой. Тамъ строили мостъ, который былъ снесенъ страшною прибылью водъ, при чемъ переправленныя на другой берегъ войска стояли бивакомъ въ лужахъ, безъ продовольствія. Всѣ проклинали графа, всѣ дивя-

лись, что онъ строитъ мостъ у Ханскаго брода, гдѣ и рѣка быстра, и противоположный берегъ лѣсистъ, т. е. покровительствуетъ черкесамъ въ нанесеніи намъ потерь, тогда какъ 12 верстъ ниже, около Бѣлорѣченской станицы, можно было построить мостъ безъ всякихъ усилій. Никто не догадывался, что у графа былъ важный стратегическій планъ что онъ готовилъ важное пораженіе ... коречно казнѣ, а не горцамъ. Только лѣтомъ объяснилось, что устройство моста у Ханскаго брода нужно было для увеличенія восьмиверстнаго разстоянія Бѣлорѣченской отъ Пшехской до 28 верстъ. Это-же увеличеніе нужно было для того, чтобы на торгахъ на перевозку 70,000 четвертей провіанта изъ Бѣлорѣченской въ Пшехскую купцы запросили по 1 р. 80 коп. отъ четверти, а графъ Евдокимовъ, отказавъ утвердить торги, какъ невыгодные казнѣ, могъ отдать перевозку своему родственнику, коммиссіонеру Добровольскому, который и нажилъ при этомъ за 100,000 рублей, платя отъ четверти 8—10 копѣекъ, такъ какъ перевозка совершалась по прямой линіи и внѣ всякой возможности нападенія горцевъ.

А вотъ еще казусъ мало извѣстный. Государь пожаловалъ Евдокимову 7000 десятинъ въ ставропольской губерніи. Разумѣется, землю позволили выбрать. Какъ-же графъ Евдокимовъ выбралъ? Руководствуясь тѣмъ, что неудобныя земли въ счетъ нейдутъ, онъ приказалъ на планѣ 4000 десятинъ лѣсу около станицы Есентукской окрасить какъ неудобную землю и присоединить ихъ къ 7000 оффиціально удобной земли. Надѣлъ былъ утвержденъ, и теперь графъ главный лѣсовладѣлецъ во всемъ округѣ кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Или вотъ еще „анекдотъ“. Евдокимовъ завелъ

конноволовій транспортъ въ 300 подводъ для перевозки будто-бы казенныхъ тяжестей за войсками. Транспортъ этотъ, кромѣ телѣгъ, существовалъ на бумагѣ; но продовольствовался круглый годъ овсомъ и сѣномъ. Десять или пятнадцать подводъ дѣйствительно бывшихъ въ комплектѣ, находились у графа въ Есентукахъ и въ Ставрополѣ, гдѣ помогали ему по хозяйству. Вдругъ узнаетъ объ этомъ начальство въ Тифлисѣ и пишетъ конфиденціонально его сіятельству, что-де такъ и такъ. Его сіятельство догадался; онъ заднимъ числомъ отписываетъ въ Тифлисъ то-же самое и прибавляетъ, что для повѣрки дошедшихъ слуховъ уже сдѣлалъ распоряженіе о собраніи всего транспорта въ ст. Зассовской, гдѣ велитъ его осмотрѣть. Карцовъ успокаивается, а между тѣмъ черезъ 3—4 дня получаетъ донесеніе, что въ Зассовской, случился пожаръ, весь транспортъ сгорѣлъ и начальникъ его едва спасъ казенныя деньги, хотя лишился жены.

Нечего дѣлать, пришлось, въ наказаніе за подозрительность, отпустить изъ казны деньги на покупку новаго транспорта. Начальнику, за потерю жены и сбереженіе денегъ дали кромѣ того Владиміра, и виновными оказались только 127 семействъ казаковъ, погорѣвшихъ до тла.

Или вотъ еще обстоятельство, недостаточно популярное. Святополкъ-Мирскій, возведенный въ княжеское достоинство и званіе генералъ-адъютанта по нѣкоторымъ домашнимъ связямъ съ кн. Барятинскимъ, постоянно ругалъ Евдокимова, какъ человѣка, у котораго руки въ грязи. Ну, а какою ручкою подписывалъ его сіятельство справки на овесъ и сѣно, когда собирался въ 1862 году, въ Чечню? И за чѣмъ это продовольствіе было тогда

принято интенданствомъ на себя, тогда какъ обыкновенно деньги отпускались полковымъ командирамъ?...

Но мы-бы не кончили, если-бы стали вспоминать все кавказское, хоть за 10 лѣтъ. Спросимъ-же теперь: противъ кого воевали мы на Кавказѣ 60 слишкомъ лѣтъ? — Не противъ Россіи-ли, раззоряя ее?

Форпостъ Хабарный, 28. Мая 1867.

ВЫПИСКИ ИЗЪ ОТНОШЕНІЯ

Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора Министру Внутреннихъ Дѣлъ,
отъ 11го Февраля 1859 года, N. 93.

---

1. — О РУДНИКАХЪ ВЪ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

Сентября 25го минувшаго 1858 года 40 человѣкъ крестьянъ Гжи Шешуковой съ Самуиловскаго рудника, управляемаго по довѣренности владѣлицы г. Зажлускимъ, пришли въ Оренбургъ и принесли на мое имя жалобу, въ которой объясняли, что работая въ рудникахъ на окортомленномъ участкѣ въ киргизской степи всѣ они, до 150 человѣкъ, весьма часто остаются безъ пищи и безъ установленной за работу платы, не говоря уже объ одеждѣ пріобрѣтенной ими на свой счетъ иногда испрошеніемъ милостыни и что сверхъ того ихъ обремѣняютъ работами въ праздничные дни. Крестьяне эти просили сдѣлать распоряженіе, чтобы Зажлускій удовлетворялъ ихъ на будущее время полнымъ количествомъ провіанта и суточныхъ денегъ, уничтоживъ работу въ праздничные дни. Исправлявшій въ то время мою должность, генералъ-лейтенантъ Балкашинъ командировалъ въ Самуиловскій рудникъ особаго чиновника на тотъ

конецъ, дабы повѣрить справедливость жалобы крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ собрать свѣдѣнія, которыя могли бы разъяснить настоящее положеніе оныхъ и отношенія ихъ къ помѣщику.

Дознаніемъ этимъ жалоба крестьянъ подтвердилась вполнѣ; кромѣ того открыто на мѣстѣ, что люди, не смотря на наступившій осенній холодъ, помѣщались въ весьма неудобныхъ землянкахъ, безъ теплой одежды, не получали провіанта, питались нерѣдко однимъ солодковымъ корнемъ и до того нравственно упали, что по прибытіи заводовладѣльца на рудники ползали передъ нимъ на колѣнахъ — прося какъ милости отдать ихъ въ солдаты; наконецъ дознано еще, что управлявшіе ими прикащики наказывали ихъ жестоко розгами, а нѣкоторымъ стригли половину головы и бороды. Вслѣдствіе личныхъ моихъ распоряженій, порядокъ на степныхъ рудникахъ возстановленъ совершенно, рабочіе удовлетворены заработною платою, снабжены одеждою и провіантомъ, и сверхъ того установлены новые правила достаточно устраняющія на будущее время безпорядки и произволъ въ управленіи. Независимо отъ того на мѣстѣ работъ устроиваются для людей удобныя помѣщенія. Все это я могъ тотчасъ сдѣлать потому, что рудники управляемые Зажлускимъ находятся въ киргизской степи исключительно подчиненной мнѣ въ отношеніи руднаго промысла.

2. — О ЖАЛОБАХЪ НА ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА ПАШКОВА.

6го Декабря 1858 года на преображенскомъ М. В. Пашкова заводѣ, возвратившійся изъ бѣговъ крестьянинъ Дмитрій Филатовъ застрѣлилъ изъ ружья проходившаго мимо его дома служителя

Любашина. Послѣ упорнаго сопротивленія, преступникъ при дѣятельной помощи башкирской команды былъ взятъ, при чемъ переранилъ шесть человѣкъ, изъ числа которыхъ одинъ отъ ранъ впослѣдствіи умеръ. О происшествіи этомъ производится установленнымъ порядкомъ формальное изслѣдованіе, а между тѣмъ оренбургскій генералъ-губернаторъ извѣстясь, что молва приписываетъ ожесточеніе Филатова притѣснительнымъ дѣйствіямъ и безпорядкамъ по управленію заводами, о которыхъ, кромѣ того, какъ въ прежнее, такъ и въ настоящее время управленія его губерніею, доходили часто до него слухи, нашелъ нужнымъ повѣрить эти свѣдѣнія. Для сей цѣли онъ поручилъ произвести секретное дознаніе о положеніи крестьянъ принадлежащихъ къ симъ заводамъ. Вслѣдствіе этого распоряженія получена имъ записка слѣдующаго содержанія:

„Генералъ-маіору Михаилу Васильевичу Пашкову принадлежитъ въ 3мъ станѣ Стерештамикскаго уѣзда слѣдующія селенія: Воскресенскій заводъ, 1,334 душъ мужс. пола; деревни: Береговая, 237 душъ; Александровка, 557 душъ; Привольная, 172 душъ; Хлѣбодары, 151 душъ; село Васильевка, 386 душъ и деревня Дарьина, 546 душъ. Изъ числа сихъ селеній только два послѣднихъ находятся въ вѣдѣніи земской полиціи. О крестьянахъ проживающихъ въ нихъ, дошли слѣдующія свѣдѣнія: а) Село Васильевка расположено на лѣвомъ берегу рѣки Бѣлой, въ 15 верстахъ отъ Воскресенскаго завода. Крестьяне сего селенія бѣдны, лѣнивы, грубы, съ слабо развитыми понятіями, живутъ въ весьма грязныхъ и вѣтхихъ избахъ, почти безъ всякаго надворнаго строенія; главное занятіе ихъ заводскія работы; посѣвъ хлѣба дѣ-

лается только на необходимое свое пропитаніе, скотоводство самое незначительное, во всемъ селѣ находится только восемь зажиточныхъ семействъ; б) деревня Дарьина расположена на лѣвомъ берегу рѣки Мекатевли, въ 22 верстахъ отъ Воскресенскаго завода. Крестьяне сей деревни довольно зажиточные, съ болѣе развитыми понятіями, дѣятельные въ хозяйственномъ быту и хотя также заняты заводскимъ дѣломъ, но имѣютъ значительный запасъ хлѣба. Заводскія работы, коими заняты крестьяне села Васильевки и деревни Дарьиной суть: а) выработка руды въ рудникахъ или шахтахъ производящаяся въ оренбургскомъ уѣздѣ въ степяхъ уральскихъ казаковъ сакмарской станицы, гдѣ каждому рабочему полагается платы по $7^3/_4$ коп. сер. въ сутки. Изъ сего удерживается на хлѣбъ рабочему, лапти и рукавицы. А какъ цѣна на хлѣбъ и означенныя вещи назначается конторою выше обыкновенныхъ цѣнъ, то заработываемыхъ денегъ не только не остается у рабочаго, но постоянно онъ считается, какъ говорятъ, въ недоработкѣ на нѣсколько дней, коихъ въ годъ насчитывается на рабочаго отъ 30 до 50; б) возка руды съ рудниковъ на заводъ на крестьянскихъ лошадяхъ отъ 200 до 250 верстъ съ платою по 4 коп. сер. съ пуда; в) рубка дровъ по 50 коп. сер. за каждую кубическую сажень; г) сидка угля (т. е. сженіе) съ возкою его на фабрику смотря по разстоянію, отъ 15 до 30 верстъ, отъ 17 до 27 руб. сер. Безплатныя работы — поправка плотины, нагрузка барокъ, и т. п. Плата за всѣ означенныя работы производится въ концѣ года и, смотря по состоянію и зажиточности рабочаго, выдается полное количество заработанныхъ денегъ или только часть оныхъ, съ выдачею въ такомъ

случаѣ на неуплаченныя деньги долговаго ярлыка. Но въ томъ и другомъ случаѣ на каждаго рабочаго удерживается 50 р. с. на непредвидимые и несчастные случаи крестьянъ и на пособіе бѣднѣйшимъ изъ нихъ. Дѣйствительно ли были дѣлаемы изъ сей суммы какія либо пособія, крестьяне не помнятъ, только нынѣ по распоряженію младшаго младѣльца*), выдано было нѣсколькимъ семействамъ на поправку избъ отъ 3 до 5 р. с. Всѣ крестьяне села Васильевки и деревни Дарьиной, т. е. отъ 15 до 50 лѣтъ, непремѣнно распредѣляются на заводскія работы, такъ что во все лѣто въ означенныхъ селеніяхъ встрѣчаются только малолѣтніе и старики. Поэтому натуральныя повинности, какъ на примѣръ исправленіе дорожнаго участка, исполняются большею частію женщинами, нерѣдко беременными, и по сему можно судить, въ какомъ состояніи находится дорожная полоса, состоящая на отвѣтственности крестьянъ Воскресенскаго завода. Государственныя подати за всѣхъ вообще крестьянъ уплачиваетъ владѣлецъ изъ своихъ суммъ, за что крестьяне обязаны засѣять и снять господскаго хлѣба 100 десятинъ: 40 дес. въ селѣ Васильевкѣ и 60 дес. въ деревни Дарьиной. На посѣвъ господскаго хлѣба и на необходимое свое пропитаніе рабочіе распускаются по очереди на два мѣсяца каждый, такъ что однимъ приходится пахать и сѣять, другимъ жать, а третьимъ возить хлѣбъ въ скирды; но и за эту двухмѣсячную свободу собственно отъ заводскихъ работъ каждый долженъ дать владѣльцу по 25 пудовъ сѣна. Долги заводской конторы крестьянамъ годъ отъ году возрастаютъ, такъ что восемь человѣкъ изъ крестьянъ

*) Сынъ генералъ-маіора Пашкова.

села Васильевки имѣютъ въ настоящее время въ долгу за конторою 2,883 р. 50 коп., равно и крестьяне деревни Дарьиной, въ числѣ 11 человѣкъ, считаютъ за конторою 11,695 руб. Не смотря однакоже на такое положеніе, крестьяне остаются еще въ покоѣ, удерживаясь надеждою скораго улучшенія ихъ быта и возможностію со временемъ исходотайствовать у начальства вознагражденія земляными участками или усадьбами за выданные имъ изъ конторы долговые ярлыки. Тѣмъ не менѣе однакоже замѣтно, что подъ видимымъ покоемъ кроется глубокое чувство угнетенія. Выраженіемъ этого служитъ то, что стѣснительныя дѣйствія управляющаго заводомъ Карпинскаго и прикащика Зоркова, при осмотрѣ въ минувшемъ году молодымъ владѣльцемъ рудничныхъ работъ, вынудили крестьянъ убѣдительно просить сего владѣльца избавить ихъ отъ наименованыхъ управителей; при чемъ многіе рѣшились даже сказать, что они на слѣдующее лѣто вовсе оставятъ работы, если просьба ихъ не будетъ уважена. Хотя же молодой владѣлецъ желая ихъ обласкать и успокоить, приказалъ приготовить всѣмъ рабочимъ угощеніе, но они не прежде приступили къ этому угощенію, какъ услышавъ отъ молодаго Пашкова обѣщаніе, что онъ будетъ ходатайствовать у своего отца о назначеніи другихъ управителей.“

Усматривая изъ обстоятельствъ изложенныхъ въ этой запискѣ, до какой степени стѣснительны дѣйствія заводоуправленія въ отношеніи къ крестьянамъ г. Пашкова, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ необходимы со стороны горнаго начальства скорыя и рѣшительныя мѣры къ искорененію объясненныхъ въ ней безпорядковъ и къ удовлетворенію основательныхъ протекцій и неудовольствій крестьянъ,

тѣмъ болѣе что данныя собранныя объ имѣніяхъ состоящихъ при Воскресенскомъ заводѣ, относясь и къ другимъ имѣніямъ принадлежащимъ этому и Преображенскому заводу, давно уже возбуждаютъ справедливыя опасенія и другихъ заводчиковъ на счетъ спокойствія и ихъ заводовъ; требуя, со стороны горнаго начальства болѣе дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за заводоуправленіями, чѣмъ это было доселѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановскій призналъ необходимымъ увѣдомить главнаго начальника горныхъ заводовъ уральскаго хребта о слабости надзора за заводами со стороны заводскаго исправника.

3. — О ЗАВОДАХЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА СУХОЗАНЕТА*) И ЕГО СУПРУГИ.

Въ Уфимскомъ уѣздѣ, въ 30 верстахъ отъ Саткинскаго казеннаго завода, находится Юрюзань-Ивановскій чугуноплавильный супруги генералъ-адъютанта Сухозанета заводъ, главнымъ образомъ управляемый самимъ Сухозанетомъ, пріѣзжающимъ для личныхъ распоряженій по управленію заводомъ почти ежегодно. Нѣкоторыя обстоятельства вызвали въ нынѣшнемъ году особенное со стороны оренбургскаго губернскаго начальства вниманіе къ этому заводу и повели къ обнаруженію исключительнаго положенія въ которомъ онъ находится. Обстоятельства эти заключались въ слѣдующемъ: Главный прикащикъ юрюзанскаго завода просилъ тестя своего, находящагося въ с. петербургской генералъ-адъютанта Сухозанета конторѣ, исхло-

*) Иванъ Онуфріевичъ, женатъ на княжнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской.

потать ему увольненіе отъ настоящей должности, къ чему особымъ побужденіемъ выставилъ неспокойное расположеніе духа въ заводскихъ крестьянахъ и склонность ихъ къ своевольству. Вслѣдствіе письма этого генералъ-адъютантъ Сухозанетъ поручилъ мѣстному заводскому исправнику побывать въ юрюзанскомъ заводѣ и усилить надзоръ за онымъ, но въ тоже время отвергалъ справедливость опасеній прикащика, сообщилъ изъ одной лишь предосторожности начальнику губерніи какъ о полученномъ отъ прикащика письмѣ, такъ и о сдѣланномъ по оному распоряженію.*) Не смотря на успокоительный тонъ написанныхъ по этому случаю генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ бумагъ и отсутствіе всякихъ свѣдѣній о неспокойномъ состояніи завода, начальникъ губерніи, знавшій и прежде о характерѣ заводоуправленія въ Юрюзани и стѣсненномъ положеніи тамошнихъ крестьянъ, нашелъ нужнымъ для положительнаго, разъясненія послѣдняго, произвести подъ рукою дознаніе, которое и было поручено губернскому жандармскому штабъ-офицеру и Уфимскому земскому исправнику. Собранныя этими двумя чиновниками свѣдѣнія вполнѣ подтвердили прежде имѣвшіяся ввиду свѣдѣнія, какъ о личности главнаго управителя юрюзанскаго завода, такъ и о нравственномъ и хозяйственномъ положеніи тамошнихъ крестьянъ. Изъ донесеній сихъ лицъ**), а также изъ представленія дѣй. ст. сов. Барановскаго видно:

*) Копія съ письма прикащика, съ сдѣланными на немъ генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ замѣтками подъ громкимъ заглавіемъ „Генеральскія Выписки“, отношеніе къ горному исправнику и письма начальнику губерніи при семъ прилагаются.

**) При семъ прилагается выписка изъ записки поданной шефу жандармовъ.

Число крестьянъ юрюзанскаго завода, съ престарѣлыми, увѣченными и дѣтьми простирается до 5000 душъ мужскаго пола. Способные изъ нихъ къ работѣ отбываютъ свою работу по составленному самою владѣлицею урочному положенію, которое супругъ ея весьма часто отмѣняетъ по своему произволу и сообразно своимъ расчетамъ. Въ послѣднее время уроки были увеличены по нѣкоторымъ цѣхамъ до того, что, при всѣхъ усиленныхъ трудахъ крестьянъ, они не могли выполнить урока, въ чемъ убѣдился и самъ Сухозанетъ и въ первыхъ числахъ Іюля, минувшаго года, отмѣнилъ свое нововведеніе. Впрочемъ существующее нынѣ урочное положеніе, не смотря вообще на незначительность задѣльной платы, еще далеко не удовлетворительно и это доказывается тѣмъ, что ни одинъ почти мастеръ, работая *всь семь дней* въ недѣлю, не въ состояніи выдѣлать назначеннаго по положенію урока; неисполнившій же этого подвергается вычету изъ получаемой платы, по мѣрѣ недодѣланнаго урока, такъ что случается нерѣдко, что мастеръ вмѣсто полученія платы за мѣсячную работу, остается еще должнымъ. Сверхъ того вычеты производятся и тогда, когда мастеръ и сдѣлалъ урокъ, но при дѣланіи желѣза сжегъ болѣе положеннаго количества угля или-же не выдѣлалъ изъ опредѣленнаго количества чугуна назначенный вѣсъ желѣза. Подобные вычеты дѣлаются по всѣмъ цѣхамъ. Самая высшая плата мастеровому производится въ мѣсяцъ по 20 руб. асс., но это количество по случаю дѣлаемыхъ вычетовъ весьма немногіе получаютъ. Нерѣдко случается, что мастеровой имѣющій семейство въ семь и болѣе человѣкъ, получаетъ въ мѣсяцъ 8 р. асс., а иногда менѣе или вовсе ничего. Такимъ образомъ суще-

ствованіе крестьянъ ихъ весьма мало обеспечено и какъ у нихъ по гористому мѣстоположенію и глинистому грунту навозной земли недостаточно, то они вынуждены покупать для себя всякаго рода хлѣбъ. Престарѣлые и неспособные къ работамъ заводскіе люди собственно отъ заводовладѣльцевъ никакимъ пособіемъ не пользуются, но имъ дается вспомоществованіе изъ крестьянскихъ-же денегъ, которыя образуются тѣмъ, что заводоуправленіе выдаетъ въ счетъ задѣльной платы хлѣбъ по цѣнамъ не много выше справочнымъ, составляетъ изъ получаемой такимъ образомъ прибыли капиталъ, раздаваемый между престарѣлыми и неспособными къ работамъ людьми, которые не имѣютъ въ семействахъ своихъ работниковъ. Обращеніе главноуправляющаго заводомъ было всегда очень строго и даже жестоко. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ заводскій прикащикъ Абаимовъ, исправляющій и нынѣ эту должность, былъ наказанъ имъ 700 ми ударами розогъ, не говоря уже о другихъ подобныхъ сему жестокихъ наказаніяхъ. Нынѣ Сухозанетъ наказаній уже не дѣлаетъ и въ послѣднюю непродолжительную бытность его, осенью прошлаго года, въ юрюзанскомъ заводѣ, наказано имъ было *только около 40 человѣкъ,* при чемъ самая высшая мѣра наказанія простиралась *не болѣе 100 ударовъ розгами.* По случаю болѣзни, нерѣдко приключающейся отъ заводскихъ работъ, крестьяне юрюзанскаго завода не пользуются внимательнымъ призрѣніемъ: на мѣстѣ нѣтъ медика, а онъ два раза въ мѣсяцъ пріѣзжаетъ изъ ситкинскаго завода; при заводской же больницѣ находятся только фельдшера. Наконецъ крестьяне юрюзанскаго завода упали нравственно, такъ что весьма рѣдкій бываетъ когда-либо въ церкви, а тѣмъ менѣе у исповѣди

и св. причастія, черезъ что распространяется и укореняется растлѣніе. На все это заводоуправленіе смотритъ равнодушно и нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ скрывается особенная цѣль, матеріально выгодная для заводовладѣльца. Такимъ образомъ крестьяне преданы разнымъ порокамъ, какъ то: пьянству, безпутству и исключительно воровству. Этотъ послѣдній порокъ они вовсе не считаютъ предосудительнымъ, отзываясь очень откровенно тѣмъ, что *если бы они не воровали* желѣза, *то имъ* единственно получаемою задѣльною платою, по незначительности ея, *невозможно было бы существовать*. Вообще стремленіе владѣльца юрюзанскаго завода состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе извлечь для себя выгодъ, которыя дѣйствительно и достигаютъ такой цифры, что ежегодный доходъ равняется почти капиталу, употребленному на основаніе всего завода. За всѣмъ тѣмъ крестьяне остаются въ совершенной покорности своему начальству, исполняя всѣ наряды заводской конторы безъ малѣйшаго ропота, и отзываются, что если будетъ прибавлена заработная плата, то они и при будущемъ устройствѣ ихъ быта, оставшись на заводѣ, съ полнымъ усердіемъ вознаградятъ трудами своими въ пользу владѣльцевъ, производимыя нынѣ по необходимости похищенія.

Всѣ собранныя свѣдѣнія о состояніи сказанныхъ заводовъ, оренбургскій гражданскій губернаторъ сообщилъ главному начальнику горныхъ заводовъ уральскаго хребта.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. — ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ЮРЮЗАНСКАГО ГЛАВНАГО ПРИКАЩИКА, ФЕДОТА АБАПМОВА КЪ ТЕСТЮ ЕГО ПЕТРУ ПОМЫКАЛОВУ, НАХОДЯЩЕМУСЯ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ У ИВ. ОН. СУХОЗАНЕТА, СТАРШИМЪ КОНТОРЩИКОМЪ.

Получено въ С. Петербургѣ, 28 Мая 1858 г.

„Любезный тятинька Петръ Гурьяновичъ.

„Записочки ваши я получаю своевременно и исправно. Искреннѣйше благодарю васъ за это. Благодаря господа бога, караванъ желѣзный проводили благополучно; лѣсной караванъ и дровяной окончились также благополучно, съ великимъ милосердіемъ божіимъ. Теперь прошу васъ, любезный батюшка, приложить всевозможныя попеченія, чтобы его высокопревосходительство освободилъ меня отъ этого грѣховнаго мѣста; я отслужилъ два года и слава тебѣ господи! Въ нынѣшнее время очень стало трудно управляться, Бога ради прошу васъ объ этомъ, тѣмъ болѣе что теперь обстоятельства благопріятны: администрація въ хорошимъ видѣ. Не тогда отставать, когда будетъ худо, а тогда, когда все въ порядкѣ. Можетъ быть есть охотники, а я отъ заботъ право пропадаю. Въ письмѣ отъ 17 Апрѣля я изложилъ обстоятельства, которыя происходятъ у другихъ, а теперь онѣ проявляются и у насъ нѣкоторымъ образомъ. Мужички дураки не понимаютъ ничего, и какъ до сихъ поръ живутъ на цѣпи, то и желаютъ сорваться, какъ обыкновенно срываются цѣпныя собаки и на волѣ не могутъ набѣгаться. А какъ уже изъ зла ко мнѣ были зажиги, то я боюсь какъ бы вмѣсто подкладки огня подъ угольные сараи, не подложили огня въ людей, которыхъ необузданность опаснѣе всего. Зажигатели же всѣ около меня и прошло-

годняя искра не погасла. Вотъ причина, по которой я боюсь этой обязанности какъ огня и почту себѣ наградою, если генералъ освободитъ меня.“

Подлинное подписалъ:

Абанмовъ.

Генеральскія выноски.

„Ахъ ты безалаберный мужичишка, хвастунъ, пустомеля; не вы и не ты, а я тружусь, какъ на цѣпи привязанный, и всегда радъ, всегда съ удовольствіемъ хочу служить вамъ примѣромъ трудовъ и усердія, съ сѣдою головою, не тебѣ чета молокососу. Однако въ 33 года не могу похвалиться, что искоренилъ воровство и пьянство, и что привелъ васъ въ порядокъ; а ты лѣнивецъ, болтунишка, едва показываешся при работахъ, иногда только въ пять часовъ вечера и смѣешъ говорить о благопріятныхъ обстоятельствахъ будто тобою устроенныхъ. Тогда какъ прошедшею осенью, только что ими я не подавился не отъ радости, а отъ твоихъ порядковъ чуть въ Юрюзани не умеръ, да и до сихъ поръ еще все идетъ съ натугою. Срамецъ! Ты живешь памѣщикомъ и смѣешъ говорить ‚отслужилъ, слава тебѣ Господи!‘

Не мужичье дураки на цѣпи, а вы грамотѣи мошенники, пьяные и лѣнивые. Вамъ тошно, что васъ хотя не на цѣпи, однакоже на шнуркѣ по немногу притягиваютъ къ отвѣтственности и работѣ; вамъ тошно, что удерживаютъ отъ разврата и не даютъ вамъ воровать вдоволь, какъ въ старину бывало. Не мужики, а вы желаете сорваться и на волѣ бѣситься; но высочайшая воля вамъ гласитъ другое: ‚всѣмъ оставаться въ совершенномъ повиновеніи къ установленнымъ властямъ и въ спокойствіи ожидать рѣшенія, которое тогда

послѣдуетъ, когда все обсуждено и государемъ утверждено и обнародовано будетъ.‘

„Зажиги были не отъ мужиковъ, а отъ твоей брати грамотѣя, отъ вашей безбожной и злой зависти другъ противъ друга.“

2. — копія съ отношенія генералъ-адъютанта сухозанета къ заводскому исправнику лепорпнскому, отъ 31го мая 1858 г.

„Препровождаю вамъ, любезнѣйшій Василій Ивановичь, выписку изъ письма юрюзанскаго главнаго прикащика и прошу туда безотлагательно съѣздить, чтобы научить и наставить этого глупаго трусишку. Вразумите высочайшую волю, чтобы всѣ и все оставалось въ совершенномъ повиновеніи къ установленной власти и въ спокойствіи ожидали рѣшенія, которое тогда послѣдуетъ, когда все обсуждено и государемъ утверждено и обнародовано будетъ. Вы знаете, что Федотъ Абаимовъ блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ. Впрочемъ и это знайте, что юрюзанцевъ надобно держать въ рукахъ: этотъ народъ въ старину соединялся съ Пугачевымъ, да и потомъ былъ общій бунтъ въ Юрюзани довольно серьезный. Но я не могу жаловаться; въ 28 лѣтъ, что Юрюзань принадлежитъ моей женѣ, все было всегда совершенно спокойно. Правда, что я около 20ти разбойничьихъ вертеповъ уничтожилъ (называемыхъ кельями, камельнями) и въ 28 лѣтъ только одного человѣка сослалъ на поселеніе, а между тѣмъ строгими внушеніями настоятельно требуя точнаго исполненія, установилъ кой-какой порядокъ, успокоилъ домашними наказаніями нѣкоторыхъ бунтовщиковъ, воровъ и пьяницъ руководимыхъ раскольничьими фарисеями; до меня же ссылали въ Сибирь почти ежегодно. Ежели не

опоздаю къ желѣзной дорогѣ, то съ сею же почтою напишу къ гражданскому губернатору и Кимянину, и потому прошу васъ поклониться отъ меня его превосходительству Егору Ивановичу и если онъ моего письма еще не имѣетъ, то покажите ему все что я вамъ пишу.

„P. S. Доложите губернатору, что я знаю Юрюзань хорошо, управляя 34 года и почти ежегодно осматривая, изучилъ ее съ подробностію и достовѣрно знаю, что тамъ много есть людей съ замашками Пугачевскими и потому во всякомъ случаѣ совѣтую тушить искру прежде нежели она разгорится.“

3. — КОПІЯ СЪ ПИСЬМА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА СУХОЗАНЕТА НАЧАЛЬНИКУ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ Д. С. С. БАРАНОВСКОМУ ОТЪ 31 МАЯ 1858 ГОДА.

„Милостивый Государь, Егоръ Ивановичъ!

„Старшій канторщикъ петербургской моей канторы получилъ отъ зятя своего состоящаго главнымъ прикащикомъ въ юрюзанскомъ заводѣ письмо, изъ котораго выписку имѣю честь препроводить въ вашему превосходительству, равно и копію съ моего письма по этому поводу къ заводскому исправнику Лепоринскому. Хотя я не считаю этого извѣстія важнымъ обстоятельствомъ, но какъ изъ Петербурга весьма легко можно ошибаться въ соображеніяхъ, то я не излишнимъ считаю, милостивый государь, конфиденціально о семъ васъ увѣдомить. Имѣю честь и пр.“

4. — КОПІЯ СЪ ЗАПИСКИ ГУБЕРНСКАГО ШТАБЪ-ОФФИЦЕРА ШЕФУ ЖАНДАРМОВЪ, КНЯЗЮ ДОЛГОРУКОВУ 18 ІЮЛЯ 1858 Г. ЗА No. 70.

„Исправляющій должность начальника Оренбургской губерніи просилъ меня подъ видомъ участія

въ производствіе одного слѣдствія отправиться въ Юрюзань-Ивановскій генералъ-адъютанта И. А. Сухозанета заводъ и узнать, въ какой мѣрѣ справедливы дошедшія до него неблагопріятныя свѣдѣнія о деспотическомъ заводоуправленіи владѣльца. Сравнивая заводоуправленіе юрюзанскаго съ другими частными въ оренбургской губерніи, сколько могъ я съ нимъ ознакомиться въ продолженіи осмилѣтняго нахожденія своего въ здѣшнимъ краѣ и съ организаціею многихъ казенныхъ чугуноплавильныхъ и желѣзадѣлательныхъ заводовъ, какъ по личному любопытству, такъ и по общему отзыву свѣдущихъ людей, можно заключить о юрюзанскомъ заводѣ далеко превосходящимъ ему подобные выдѣлкою издѣлій. Въ числѣ крестьянъ принадлежащихъ къ этому заводу, коихъ считается болѣе 5,000 душъ, можно положительно сказать отъ небрежности заводовладѣльца третья часть раскольниковъ, а нѣкоторые, не присоединяя себя къ нимъ, не обращаются и къ православью. Его высокопревосходительство Иванъ Онуфреевичь не обращаетъ на то вниманіе, лишь бы они занимались своимъ дѣломъ, усиленными трудами доставляли ему отъ этого выгоду, на что единственно имъ обращено особенное вниманіе*). Таковая вѣротерпимость, ясно выказывается въ небрежномъ состояніи заводской полуразрушенной церкви, которая до такой степени ветха и неприлична, что едва-ли есть ей подобная при столь богатыхъ заводскихъ средствахъ, отъ которыхъ владѣлецъ получаетъ огромныя выгоды. Отъ этихъ причинъ во всѣ праздники и дни богослуженія церковь постоянно бы-

*) Жандармское богословіе строго, но краснорѣчиво, мы оставили эту нелѣпую выходку чтобъ не мѣшать цѣлости букета.

ваетъ пуста и по отзыву мѣстнаго священника пастырское слово къ этимъ прихожанамъ не имѣетъ мѣста, отчего и нравственность ихъ значительно ниже противъ прочихъ заводскихъ крестьянъ... Плата мастеровымъ юрюзанскаго завода за выдѣлку издѣлій сравнительно съ другими совершенно недостаточна къ ихъ существованію и какъ у крестьянъ по гористому мѣстоположенію и глинистому грунту пахатной земли недостаточно, то по этому они вынуждены покупать для себя всякаго рода хлѣбъ. О таковомъ ихъ состояніи извѣстно главному начальнику горнаго уральскаго хребта. Отъ недостаточныхъ средствъ заводскіе люди занимаются нерѣдко продажею краденнаго желѣза и хотя ихъ за это преслѣдуютъ, но за всѣмъ тѣмъ они не оставляютъ своего ремесла....

„.... За неисполненіе урочныхъ работъ и другіе проступки взыскательность заводовладѣльца несоразмѣрна съ виною. Нерѣдко случалось, что настоящіе виновные оставались безъ преслѣдованія его высокопревосходительства, тогда какъ другіе за ничтожный проступокъ или клевету канторщика безъ всякаго разбора съ его стороны *едва не засыпались на мѣстѣ розгами,* но за всѣмъ тѣмъ ни отъ кого изъ нихъ никогда ни къ кому жалобы не поступили....“

II.

КОПІЯ СЪ ЗАПИСКИ ПРЕДСТАВЛЕННОЙ Д. С. С. БАРАНОВСКИМЪ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТУ КИМЯНИНУ О ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ ПРИСЛАННЫХЪ КЪ ЗАВОДУ КУПЦА ПОДЯЧЕВА.

Шильвинскій мѣдиплавительный заводъ принадлежавшій заводчику Красильникоку купленъ въ 1798 г. купцомъ Подьячевымъ, дѣдомъ настоящаго

владѣльца. Къ этому заводу, находящемуся въ 3мъ станѣ Мензелинскаго уѣзда, причислены на поссесіонномъ правѣ крестьяне, которыхъ по 10ой ревизіи состоитъ за Подьячевымъ 388 душъ мужскаго и 411 женскаго пола. Въ Шильвинскомъ заводѣ устроена мѣдиплавительная фабрика и такая же въ 50ти верстахъ отъ него на рѣчкѣ Сарналѣ именуемая временною Александровскою фабрикою. Руда для производства работъ добываема на Зайчешминскихъ рудникахъ, находящихся въ 80ти верстахъ отъ Шильвинскаго завода. Ежегодная выплавка мѣди на Шильвинскомъ заводѣ не превышаетъ 1000 пудовъ. На работы эти казна ежегодно отпускаетъ 1575 куб. саж. дровъ для жженія угля и небольшое количество строеваго лѣса, всего на сумму не выше 1000 р. сер. Доходъ же получаемый казною съ завода простирается до 1800 р., такъ что за вычетомъ суммы отпускаемой Подьячеву въ вспомоществованіе, чистой прибыли казна, за право пользоваться рудниками на казенныхъ и частныхъ земляхъ и употреблять въ тяжелыя заводскія работы 388 душъ крестьянъ, имѣетъ *не болѣе 780 р. сер. въ годъ.* Заводъ построенъ на землѣ казенной, а собственной земли и лѣса не имѣется. Зайчешминскіе рудники, какъ сказано выше, они стоятъ отъ Шильвинскаго завода на 80 верстъ. Въ самомъ заводѣ поселены одни лишь семейства крестьянъ и не болѣе 15ти человѣкъ рабочихъ въ фабрикѣ, изъ которыхъ 10 совершенно дряхлыхъ и неспособныхъ стариковъ. Прочіе всѣ крестьяне начиная съ мальчиковъ 8ми и 9ти лѣтняго возраста, работаютъ въ рудникахъ постоянно, бывая въ домахъ своихъ въ теченіи цѣлаго года не болѣе трехъ разъ: на Рождество, на два или на три дня, на Святую Пасху и въ

страдное время, котораго имъ дается 20 дней, считая въ это же число шесть дней употребляемыхъ ими на проходъ съ рудниховъ до завода и обратно. Помѣщенія для крестьянъ въ рудникахъ устроены въ тѣсныхъ и душныхъ земтяникахъ, такъ что люди послѣ дневной работы въ подземельныхъ и сырыхъ галлереяхъ, возвращаясь въ нихъ не имѣютъ даже на сколько нибудь сноснаго пріюта, въ особенности необходимаго въ зимнее время. Печей для приготовленія пищи въ землянкахъ этихъ нѣтъ и крестьяне пекутъ въ хлѣбъ сосѣдственной деревнѣ, отстоящей отъ рудниковъ на три версты, платя за это отъ себя деньги. Питаясь лишъ хлѣбомъ и водою, не получая ни приварки, ни мяса для поддержанія силъ, истощенныхъ столь трудною работою, какъ въ рудникахъ, и согрѣваясь въ зимнее время похищаемыми въ чужихъ дачахъ дровами, крестьяне имѣющіе и весьма плохую одежду, съ перваго взгляда на ихъ слабый и изнуренный видъ даютъ уже полное понятіе какъ о томъ тяжеломъ трудѣ, которое составляетъ единственное ихъ въ теченіи всей жизни занятіе, такъ и о скудости средствъ въ ихъ домашней жизни, что само по себѣ составляя уже не малое лишеніе, убиваетъ и силы и духъ человѣка. При такомъ образѣ жизни болѣзни развиваются постоянно, но и въ этомъ отношеніи крестьяне Шильвинскаго завода заслуживаютъ еще болѣе сожалѣнія, что больницъ въ заводахъ нѣтъ, больные остаются безъ всякаго призрѣнія и не рѣдко вмѣсто больницы отправляются владѣльцемъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, въ рудничную работу. Въ нарушеніе 307, 336, 345 и 465 Ст. XII Т. Св. Зак. Уст. Горн. Шильвинскіе крестьяне, безъ различія, какъ способные, такъ и неспособные, даже дряхлые и увѣчные, вообще всѣ,

и не на половину работаютъ въ рудникахъ. По выслугѣ установленныхъ лѣтъ крестьяне въ отставку не увольняются, но въ то время, когда ни по лѣтамъ, ни по здоровью неспособны къ службѣ опредѣляются въ рудники на разныя работы. Главный надзоръ въ рудникахъ за распредѣленіемъ и исполненіемъ работъ возложено заводчикомъ на прикащика, который и опредѣленъ имъ вопреки распоряженіямъ правительства изъ раскольниковъ. Обращаясь сурово съ крестьянами и не входя нисколько въ нужды и потребности ихъ, прикащикъ не рѣдко подвергаетъ состоящихъ въ его вѣдѣніи людей незаслуженнымъ наказаніямъ, когда рабочій уже вынужденный крайностью положенія своего, жалуется на свои недостатки. Лучшее доказательство враждебнаго настроенія прикащика къ крестьянамъ, какъ раскольника къ православнымъ служитъ то, что рабочіе въ управленіе другихъ прикащиковъ получали время для исполненія христіанскихъ обязанностей, по опредѣленіи же въ должность настоящаго, это отмѣнено. Средній дневной урокъ исполняемый полнымъ работникомъ состоитъ въ выломкѣ 260 куб. четвертей руднаго камня или откаткѣ на поверхность земли на разстояніи болѣе 200 сажень 145 куб. четв. породы, тогда какъ по урочному положенію, представленному заводовладѣльцамъ и не имѣющему по подчисткамъ и по правкѣ въ немъ несомнѣнной достовѣрности, полный рабочій долженъ въ день выработать никакъ не болѣе 180 куб. четв. или откатить 166 куб. четв., на разстояніи 120 сажень. Независимо отъ этого крестьяне занимающіеся отломкой, должны отобрать руду отъ пустой породы и поднести съ двора для укрѣпленія галлереи потребное количество деревянныхъ стоекъ. Трудъ

этотъ, увеличенный по произволу владѣльца болѣе нежели на половину, купецъ Подьячевъ вознаграждаетъ жалованьемъ вмѣсто назначенныхъ горными правилами 3¼ коп. сер. въ день, только 3 коп. и провіантомъ выдаваемымъ къ тому-же не всегда въ полномъ количествѣ. Болѣе для крестьянъ владѣлецъ не дѣлаетъ ничего и они за тѣмъ всѣ домашнія свои потребности исполняютъ на свой счетъ. Словомъ невѣроятное положеніе крестьянъ купца Подьячева можно вкратцѣ представить слѣдующимъ образомъ, безъ всякаго преувеличенія: не имѣя ни земли, ни луговъ, ни скота, получая одинъ только хлѣбъ необходимый чтобъ не умереть съ голоду, питаясь только имъ и водою, не получая ни приварки, ни мяса, ни чарки вина для подкрѣпленія силъ, употребляя на одежду болѣе чѣмъ скудное жалованье, согрѣваясь въ зимнее время похищаемыми въ чужихъ дачахъ дровами, живя въ землянкахъ лѣто и зиму, въ разстояніи 80ти верстъ отъ семействъ, они выше силъ отягощены работами и не знаютъ ни жизни семейства, ни помощи въ болѣзняхъ, ни даже религіознаго утѣшенія.

Въ началѣ этого года оренбургскій губернаторъ, д. с. с. Барановскій, вслѣдствіе донесенія объ ослушаніи крестьянъ, приписанныхъ къ горному заводу купца Подьячева, отправился на мѣсто, не нашелъ никакого бунта, а нашелъ то, что описано въ прилагаемой запискѣ. Въ тоже время по разнымъ случаямъ собраны свѣдѣнія о положеніи другихъ заводскихъ принадлежащихъ частнымъ людямъ крестьянъ (которыхъ въ оренбургской губерніи болѣе 45,000); вездѣ оказалось почти не лучше чѣмъ у Подьячева: у Зажлускаго крестьяне умираютъ въ степи съ голода; у Пашкова такъ хо-

рошо, что одинъ крестьянинъ совершаетъ смертоубійство и идетъ въ каторжную работу только, чтобы не оставаться на заводахъ; наконецъ у Сухозанета рабочіе едва не засѣкаются на смерть, и въ послѣднее посѣщеніе Сухозанетомъ заводовъ, наказали 40 человѣкъ по 100 ударовъ розгами. Катенинъ представлялъ обо всемъ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ, приписывая и можетъ быть справедливо, невѣроятныя злоупотребленія потворству заводчикамъ со стороны горнаго начальства, въ рукахъ котораго находится полицейскій надзоръ за заводами. И Барановскій и Катенинъ требовали, чтобы, независимо отъ подчиненія заводовъ земской полиціи, было немедленно командировано довѣренное лицо государя, которое бы, кромѣ производства слѣдствія о безпорядкахъ на заводахъ Подьячева, занялось бы изслѣдованіемъ положенія и другихъ заводовъ. По докладу Ланскаго государь приказалъ послать одного изъ флигель-адъютантовъ; но Катенинъ во время опомнился, что ссориться съ Пашковымъ и Сухозанетомъ нельзя.

Ланской съѣздилъ во дворецъ съ другимъ докладомъ и дѣло устроили такъ, что флигель-адъютантъ остался въ Петербургѣ, какому-то мѣстному чиновнику поручили слѣдствіе только о заводахъ Подьячева. А Зажлускій по прежнему моритъ голодомъ, Пашковъ по прежнему грабитъ, Сухозанетъ по прежнему засѣкаетъ крестьянъ и крестьяне быть можетъ не имѣютъ даже утѣшенія знать, что министръ внутреннихъ дѣлъ „осмѣлился“ или „имѣлъ счастіе“ довести о ихъ положеніи до высочайшаго свѣдѣнія.

ТОБОЛЬСКОЕ ДѢЛО.*)

(М. И. Михайловъ, Тобольское Общество и Доносчики.)

Съ незапамятныхъ временъ въ Тобольскѣ и въ другихъ губернскихъ городахъ Сибири на арестантовъ привыкли смотрѣть снисходительно, принимали въ нихъ участіе, оказывали имъ сочувствіе. При вступленіи въ Сибирь арестантъ становился въ глазахъ мѣстныхъ жителей человѣкомъ, преступленіе его забывалось. Мало обращали вниманія даже на родъ преступленія. Особенно пользовались снисхожденіемъ арестанты изъ привиллегированнаго сословія, т. е. изъ дворянъ, если они казались порядочными людьми. Къ числу послѣднихъ принадлежали конечно и политическіе преступники безъ различія національности; съ 1826 года они ежегодно пересылались чрезъ Тобольскъ — то въ большемъ, то въ меньшемъ числѣ. Къ нимъ привыкли. Многіе изъ нихъ послѣ каторги жили въ этомъ городѣ, пользовались уваженіемъ, были любимы всѣми и вообще зарекомендовали себя съ самой лучшей стороны. Около нихъ сосредоточивалось лучшее

*) Дѣло это разсказывалось съ разными варіантами, такъ что трудно было составить о немъ вѣрное понятіе. Но въ концѣ намъ удалось узнать всѣ подробности этого дѣла, отъ лицъ возвратившихся изъ Сибири. Въ томъ видѣ какъ мы слышали отъ нихъ и передается читателямъ.

общество. Оно-же первое и начало брать къ себѣ въ домъ изъ острога пересылавшихся преступниковъ изъ дворянъ, а въ особенности политическихъ. Не скрылъ этого отъ читающей публики и Ф. Достоевскій въ своихъ запискахъ изъ „Мертваго Дома“ („Время“, Декабрь, 1862). Мѣстное начальство не обращало вниманія на выѣзды ихъ изъ острога, видало ихъ въ частныхъ домахъ, проводило съ ними вечера. Такъ было во все царствованіе настоящаго государя, до Января прошедшаго года. Послѣднимъ преступникомъ, которому оказано снисхожденіе въ Тобольскѣ былъ Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ, осужденный въ каторжную работу на 6 лѣтъ. Онъ-то и составляетъ причину *Тобольскаго дѣла*.

Для ясности самаго предмета мы изложимъ сначала, что̀ дѣлали для Михайлова въ Тобольскѣ, потомъ какъ полетѣли въ Петербургъ доносы на лицъ, принимавшихъ Михайлова, наконецъ, что̀ открылось по слѣдствію.

По прибытіи Михайлова въ Тобольскъ съ жандармами, разумѣется, его помѣстили въ острогъ, въ одномъ отдѣленіи съ каторжными, только не знаемъ навѣрно въ одной-ли камерѣ или въ отдѣльной, потому что одни со словъ смотрителя говорятъ будто онъ былъ помѣщенъ въ камеру къ надзирателю, а другіе со словъ причастныхъ къ дѣлу въ камеру каторжныхъ; но какъ-бы то ни было, только никогда не помѣщались прежде каторжные изъ дворянъ въ кандальное отдѣленіе и онъ попалъ туда во-первыхъ потому, что смотритель острога не былъ трезвъ въ то время какъ его привезли, а во-вторыхъ потому, что имѣлъ на себѣ кандалы, чего съ другими арестантами — прежде не бывало. Посѣщавшій по обыкновенію въ то

время острогъ предсѣдатель губернскаго правленія Соколовъ, приказалъ безъ всякой задней мысли, просто по примѣру прежнихъ арестантовъ, перевесть его въ отдѣленіе гдѣ всегда помѣщались пересыльные арестанты изъ дворянъ всѣхъ разрядовъ, т. е. и каторжные и ссыльные на житье; а полицмейстеръ Кувичинскій, въ тотъ-же или на другой день распорядился снять съ него кандалы, такъ какъ никогда прежде въ острогѣ не держали арестантовъ изъ дворянъ въ кандалахъ — да и неправильно на дворянина надѣли ихъ, потому, что по 54 ст. XV т. кандалы составляютъ тѣлесное наказаніе, а дворяне свободны отъ тѣлесныхъ наказаній; слѣдовательно, и не должны имѣть кандалы. Дня черезъ два послѣ того взялъ Михайлова къ себѣ управляющій коммиссаріатскою коммиссіею подполковникъ Жданъ-Пушкинъ, знавшій его еще въ Петербургѣ. Потомъ брали его въ домъ предсѣдатель губернскаго правленія Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ, товарищъ предсѣдателя губернскаго суда Андрониковъ, военный врачь Анучинъ и почетная гражданка Пиленкова. У всѣхъ ихъ Михайловъ обѣдалъ, по одному, по два, и даже по три раза; но у Соколова онъ бывалъ не для одного обѣда, а еще для изслѣдованій его болѣзни, которыя составляютъ его спеціальность. У Михайлова въ Тобольскѣ показалось кровохарканіе, и потому онъ занялся его леченіемъ съ самаго пріѣзда, посылалъ ему лекарства изъ вольной аптеки. Всѣ обѣды были семейные, самые скромные, безъ всякихъ публичныхъ заявленій, такъ что не многіе и знали тогда гдѣ бывалъ Михайловъ. Вывозилъ же его изъ острога или самъ полицмейстеръ или кто-нибудь изъ полицейскихъ чиновниковъ, съ разрѣшенія послѣдняго, или брали нѣкоторые по

запискѣ его-же, но къ вечерней повѣркѣ возвращали его въ острогъ. Тѣ же лица, у которыхъ онъ бывалъ въ домахъ, посѣщали его и въ острогѣ довольно часто вмѣстѣ съ знакомыми. Было у Михайлова въ острогѣ и нѣсколько дамъ, читавшихъ статьи его въ „Современникѣ“ объ эманципаціи женщинъ. Прокламацію его, за которую онъ пострадалъ, никто не читалъ въ Тобольскѣ, ее вовсе не было тамъ, даже немногіе — правду сказать — интересовались ею. О пропагандѣ не было и въ мысли ни у кого. Да что за пропаганда въ Сибири! Во время содержанія Михайлова въ острогѣ, шла переписка приказа о ссыльныхъ съ губернаторомъ объ отправленіи его, по случаю болѣзни, на свой счетъ съ жандармами до Иркутска. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Января отправили его дальше. Передъ выѣздомъ изъ города онъ въ послѣдній разъ обѣдалъ у Пушкина, гдѣ было человѣкъ пять знакомыхъ, всѣ они порядочно выпили тутъ, и вечеромъ проводили его за заставу; на прощанье пили шампанское. Тѣмъ и закончилось пребываніе Михайлова въ Тобольскѣ. Послѣ его отъѣзда все пошло по старому обычнымъ порядкомъ: никто не бунтовалъ народъ, никто не распространялъ возмутительныхъ воззваній, какъ будто и не бывало Михайлова. Такъ это и осталось-бы безгласнымъ, и не дошло-бы до III Отдѣленія, если-бы не замѣшалась тутъ месть нѣкоторымъ лицамъ со стороны жандармскаго адъютанта Ланскаго. Месть то и была главнымъ поводомъ къ доносу. Вотъ именно какимъ образомъ возникло это дѣло.

По пріѣздѣ Ланскаго въ Тобольскъ — кажется въ Ноябрѣ или Декабрѣ 1861 года — жена его сблизилась съ женою лекаря Анучина (дочерью

жандармскаго штабъ-оффицера). Вскорѣ послѣдняя выпросила у первой бурнусъ и долго не возвращала; та присылала за нимъ нѣсколько разъ, и наконецъ сама пріѣхала за нимъ. Войдя въ залъ, она застала г. Анучину дѣлающую выкройку съ ея бурнуса, который при этомъ надѣтъ былъ на служанку. Это вызвало обмѣнъ колкихъ выраженій съ обѣихъ сторонъ и послужило началомъ раздора. Спустя нѣсколько дней послѣ того, Ланской сдѣлалъ дерзость студенту Тутолмину въ залѣ собранія на репетиціи; послѣдній заявилъ объ этомъ присутствующимъ, въ числѣ коихъ былъ лекарь Анучинъ. Онъ собралъ молодыхъ людей, подойдя съ ними къ Ланскому требовалъ, чтобъ тотъ извинился предъ оскорбленнымъ. Не хотя Ланской исполнилъ это требованіе, но съ этого времени онъ искалъ случая отмстить Анучину. Жандармскій штабъ-оффицеръ Коленъ — тесть Анучина — съ своей стороны съ того-же времени, сталъ при всякомъ удобномъ случаѣ показывать свое неудовольствіе Ланскому, и дѣлать кой-какія непріятности. Наконецъ однажды Ланской былъ замѣченъ въ подлогѣ во время карточной игры, что побудило нѣкоторыхъ членовъ Благороднаго Собранія предложить ему, чтобъ онъ не посѣщалъ его, а когда тотъ отказался, то назначили въ собраніи надъ нимъ судъ. Предоставлено было обвиненному избрать адвокатовъ, назначены были обвинители, приглашены и свидѣтели. Судьями оставили директоровъ. Это былъ опытъ гласнаго судопроизводства, только безъ присяжныхъ. Кажется было два или три засѣданія, но къ рѣшенію не могли придти. Началось это скандалезное лѣло. Ланской желалъ прислужиться предъ III Отдѣленіемъ, особенно-же предъ княземъ Долгоруковымъ, которому обязанъ

своей должностью и который покровительствовалъ ему за то, что онъ женился на крестницѣ его, дочери какого-то генералъ-маіора Маркова, послалъ въ Петербургъ доносъ, что Михайлову оказано было послабленіе и сочувствіе. По этому доносу затребовано объясненіе отъ жандармскаго штабъ-оффицера, который отписалъ въ III Отдѣленіе, что дѣйствительно Михайловъ выѣзжалъ изъ острога въ частные дома и его посѣщали въ острогѣ, что участіе въ немъ приняли такъ дворянѣ какъ и литераторы, а особенное сочувствіе выразили ему дамы за статьи объ эманципаціи женщинъ; что политическаго въ этомъ ничего не было, и что наконецъ настроеніе умовъ въ Тобольскѣ осталось — послѣ отъѣзда Михайлова въ Иркутскъ совершенно такимъ-же, какимъ было и до его пріѣзда; послѣднее сдѣлано для успокоенія правительства. Такого-же содержанія послалъ Коленъ донесеніе и окружному начальнику генералъ-маіору Масолову. Недѣли черезъ двѣ, послѣдній потребовалъ отъ Колена свѣденій — у кого именно бывалъ Михайловъ и кто его посѣщалъ. Когда было послано это донесеніе, содержаніе котораго, разумѣется, было извѣстно Ланскому, этотъ господинъ, не дожидаясь окончанія дѣла о его поступкѣ въ собраніи, вдругъ уѣзжаетъ въ Омскъ подъ предлогомъ будто-бы объясниться съ генералъ-губернаторомъ Дюгамелемъ о своемъ поступкѣ, а въ самомъ дѣлѣ передать Масолову лично о пребываніи Михайлова въ Тобольскѣ, что и выполнилъ съ различными прибавленіями. По возвращеніи его изъ Омска, пріѣзжаетъ въ Тобольскъ генералъ-маіоръ Масоловъ и останавливается въ домѣ гражданскаго губернатора Виноградскаго — стараго своего пріятеля и товарища по денежнымъ дѣламъ.

Тутъ надобно сдѣлать маленькое отступленіе отъ самаго дѣла, надобно прежде познакомить читателей въ короткихъ словахъ съ этими личностями и указать на тѣсную связь между ними. Масоловъ въ прежнее время служилъ въ Ирбитѣ, дѣлалъ экономіи, гдѣ только представлялся случай, но въ особенности дойной коровой для него служили золотопромышленники и ихъ рабочіе. Онъ извѣстенъ былъ тѣмъ, что назначилъ сборъ по руб. серебромъ на каждаго паспортнаго; а какъ ихъ было отъ 15 до 20,000 въ губерніи, то ему помогалъ Виноградскій не забывая нигдѣ и себя. Впослѣдствіи Масоловъ женился на дочери золотопромышленника Горохова, дѣлами котораго вмѣстѣ съ компаніей управлялъ нѣкоторое время Виноградскій и такъ хорошо управлялъ, что золотопромышленная эта компанія объявлена была несостоятельною, а долговъ на ней оказалось болѣе четырехъ милліоновъ. Говорятъ, что когда конкурсное управленіе приступило къ разсмотрѣнію документовъ по дѣламъ компаніи, то обнаружено было золото взятое Виноградскимъ, но старикъ Гороховъ постарался затушить дѣло и далъ отзывъ, что онъ подарилъ ему золото. Какъ-бы то ни было, только и Масоловъ и Виноградскій вмѣстѣ пользовались отъ золотыхъ промысловъ и оба купили себѣ высшія должности; Масоловъ — окружнаго начальника, заплативши во время Тимашева какому-то мелкому чиновнику 6000 р. с., а Виноградскій должность губернатора, заплативши въ Сибири Почекунину съ Гасфордомъ 7000 руб. Кажется ясно, что одинъ другому ни въ чемъ не уступали и имъ обоимъ въ Тобольской губерніи нужно было избавиться отъ двухъ лицъ по разнымъ причинамъ: Масолову отъ Колена, Виноградскому отъ Соколова.

Масоловъ, по переводѣ своемъ въ Омскъ изъ Вологды, гдѣ до 1859 года былъ штабъ-оффицеромъ (послѣ Сибирской службы) перевелъ въ Тобольскъ бывшаго своего адъютанта капитана Кермека, человѣка сумасброднаго, по временамъ подверженнаго умопомѣшательству и способнаго развѣ на то только, чтобы забирать „Колоколъ“ по городу, чѣмъ особенно занимался въ Вологдѣ, перевелъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его штабъ-оффицеромъ вмѣсто полковника Колена, который по его предположенію долженъ былъ или выйти въ отставку или умереть. Но тотъ на его бѣду оставался живъ и въ отставку не выходилъ. Хотя чрезъ годъ и удалось Масолову перевести Кермека въ Омскъ на какую-то высшую должность, не менѣе того онъ не оставлялъ своей прежней мысли, и потому дѣлалъ разныя непріятности съ цѣлію заставить Колена бросить службу. Не нравился Коленъ и Виноградскому за свои справедливыя представленія по разнымъ вопіющимъ дѣламъ, и вѣроятно онъ не разъ просилъ Масолова избавить его отъ Колена. Настоящій случай, т. е. бездѣятельность его во время пребыванія Михайлова въ Тобольскѣ и недонесеніе о выѣздахъ его куда слѣдуетъ, представлялся самымъ удобнымъ. Это съ одной стороны; съ другой-же, какъ мы сказали выше, нужно было Виноградскому избавиться отъ Соколова. Предсѣдатель губернскаго правленія Соколовъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ постоянно находился въ самыхъ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Виноградскому. Будучи прямаго характера и строгой честности и при томъ чрезвычайно дѣятельный, онъ при всякомъ удобномъ случаѣ, явно не одобрялъ распоряженій губернатора, возставалъ противъ его злоупотребленій, но въ особенности вооружилъ его

противъ себя какой-то статьей, въ которой описалъ его неправильныя дѣйствія. Намъ разсказывали много случаевъ столкновенія ихъ между собою. Кто изъ нихъ правъ, не беремся рѣшить, но судя по отзывамъ лицъ, живущихъ въ Тобольскѣ, думаемъ, что правъ Соколовъ и грязныхъ дѣлъ за нимъ вѣроятно не было, иначе губернаторъ воспользовался-бы первымъ случаемъ, чтобъ стереть его съ лица земли. Отзывы объ немъ служатъ въ его пользу. Мы лично не знаемъ этого человѣка, но говорили объ немъ съ знакомыми и старыми его товарищами. Какъ-бы впрочемъ тамъ ни было, только Виноградскій замыслилъ уничтожить его при содѣйствіи Масолова. Вотъ два друга и условились дѣйствовать за одно ко вреду, съ особенности двухъ, т. е. Колена и Соколова. Масоловъ, по прибытіи въ Тобольскъ, вслѣдъ за Ланскимъ, запялся по указаніямъ послѣдняго, секретнымъ изслѣдованіемъ о пребываніи Михайлова въ Тобольскѣ, о чемъ впрочемъ говорили тотъ часъ-же на базарѣ. Разслѣдованію этому помогалъ и Виноградскій, подставляя ему тѣхъ лицъ, которыя могли больше врать, согласно съ его видами. Результатомъ этихъ quasi секретныхъ разслѣдованій, вышелъ пространный доносъ слѣдующаго содержанія:

Михайловъ, какъ политическій преступникъ, былъ принятъ въ Тобольскѣ съ необыкновеннымъ сочувствіемъ нѣкоторыми должностными лицами, которыя давали ему торжественные обѣды во все время пребыванія его въ городѣ. Дамы поднесли ему букетъ. Очень многіе изъ чиновниковъ постоянно навѣщали его въ острогѣ, тоже дѣлали и нѣкоторыя дамы. Содержали его въ дворянскомъ отдѣленіи безъ кандаловъ, хотя онъ былъ привезенъ съ жандармами закованный. Вообще, будто бы, во время

4-хъ недѣльнаго пребыванія въ Тобольскѣ онъ пользовался совершенной свободой. Передъ отъѣздомъ данъ былъ ему большой обѣдъ въ домѣ подполковника Жданъ Пушкина. При входѣ его туда въ кандалахъ, собравшіеся гости привѣтствовали его восторженными крпками, а лекарь Анучинъ сказалъ ему спичь. Потомъ послѣдній сбилъ съ него кандалы, а прочіе присутствующіе разорвали ихъ на части, и раздѣлили между собой. Самую-же большую часть взяла къ себѣ г-жа Пиленкова, которая повѣсила ихъ на стѣнѣ, въ видѣ гирлянды, и убрала плющомъ. Изъ колецъ кандальныхъ, взятыхъ на память впослѣдствіи, подѣлали браслеты и прессъ-папье. Всѣхъ лицъ владѣвшихъ такими вещами, онъ не поименовалъ, но только указалъ на Соколова, у котораго частный приставъ Капачинскій видѣлъ будто-бы кандальныя кольца на письменномъ столѣ въ кабинетѣ. Послѣ обѣда, разумѣется съ шампанскимъ, всѣ бывшіе на обѣдѣ отправились его провожать за городъ, тамъ на прощанье опять пили шампанское, и послѣ того Михайловъ уѣхалъ изъ Тобольска; но на десятой или двѣнадцатой верстѣ догналъ его Соколовъ, и прощался съ нимъ. Очевидно, описавши такимъ образомъ пребываніе Михайлова въ городѣ, Масоловъ хотѣлъ придать посѣщеніямъ, обѣдамъ и проводамъ видъ политической демонстраціи, о которой вовсе никто и не думалъ, которой въ дѣйствительности не было, какъ увидимъ ниже. Но ему казалось мало этого: если бывалъ политической преступникъ въ частныхъ домахъ, то навѣрно онъ проводилъ свои политическія идеи. А такъ какъ онъ уже заявилъ ихъ разъ въ своемъ воззваніи къ молодому поколѣнію, то навѣрно цѣль его посѣщеній была распространить свою прежнюю про-

кламацію; по этому должно быть, прибавилъ этотъ жандармъ, перепечатывалась она въ губернской типографіи, состоящей въ вѣденіи губернскаго правленія, гдѣ предсѣдательствуетъ Соколовъ, посѣщавшій часто Михайлова, лечившій его и принимавшій его въ своемъ домѣ. Масолову хотѣлось по просьбѣ Виноградскаго сдѣлать болѣе всѣхъ виновнымъ Соколова, поставивши его во главѣ воображаемаго политическаго заговора, въ которомъ участвовали всѣ лица, принимавшія его у себя дома и нѣкоторыя изъ посѣщавшихъ. Въ такомъ видѣ и отправилъ свое донесеніе къ шефу жандармовъ, расчитывая навѣрно получить высочайшую награду за такое важное открытіе. Какъ ни ловко составлено было оно и какъ ни казалось съ перваго разу правдоподобнымъ, однакожъ не совсѣмъ повѣрили въ Петербургѣ написанному Масоловымъ, а потому спросили генералъ-губернатора Западной Сибири Дюгамеля, что происходило въ Тобольскѣ во время пребыванія тамъ Михайлова и что за причина непонятнаго сочувствія и вниманія, оказаннаго ему нѣкоторыми лицами и послабленія, сдѣланнаго начальствующими лицами. Дюгамель, какъ главный начальникъ края, имѣлъ полное право сдѣлать дознаніе чрезъ довѣреннаго чиновника и потомъ подвергнуть взысканію лицъ, допустившихъ безпорядокъ по содержанію арестантовъ, потому, что не одинъ Михайловъ пользовался нѣкоторой свободой во время содержанія въ Острогѣ, но и другіе арестанты, что не могло не открыться при производствѣ дознанія, и это дѣлалось съ давнихъ временъ, какъ сказано нами въ началѣ статьи. Дюгамель, повторяемъ, долженъ былъ успокоить III Отдѣленіе, что никакихъ политическихъ замысловъ не было во время проѣзда Михайлова чрезъ городъ, и въ

настоящее время не замѣтно никакихъ послѣдствій отъ него, и что наконецъ имъ приняты всѣ мѣры, чтобы на будущее время не повторилось ничего подобнаго съ другими арестантами. Такъ по нашему мнѣнію обязанъ былъ поступить *дѣльный начальникъ*, а Дюгамель далеко не принадлежитъ къ разряду подобныхъ начальниковъ. Чтобъ понять дальнѣйшее распоряженіе этого сановника по дѣлу Михайлова, мы постараемся передать въ короткихъ словахъ, что̀ это за личность г. Дюгамель. Онъ имѣетъ 60 лѣтъ отъ роду, большаго росту, съ оловяными глазами, съ физіономіей, выражающей отсутствіе всякой мысли, былъ когда-то посланникомъ въ Персіи — значитъ служилъ по дипломатическому корпусу, потомъ состоялъ первоприсутствующимъ въ Сенатѣ, ревизовалъ (кажется въ 1859 году), Олонецкую губернію, и по этой ревизіи особенно отличился; но онъ ни душою, ни тѣломъ въ ней не виноватъ, какъ оказалось впослѣдствіи: всей ревизіей заправляли два оберъ-секретаря, которые порядочно напакостили ему такъ, что онъ до сихъ поръ не можетъ отписаться. Вступивши въ управленіе Западной Сибирью, по военной и гражданской частямъ, онъ ровно ничѣмъ не занялся. Первую предоставилъ начальнику штаба Крофусу, а вторую, совѣтникамъ главнаго управленія и мѣстнымъ губернаторамъ, а самъ только подписывалъ, что̀ подадутъ. Въ два года своего управленія, ознаменовалъ себя полнѣйшею бездѣятельностію. Считаютъ его добрымъ и благороднымъ человѣкомъ, но эти его качества приносятъ пользу однимъ только подлецамъ и грабителямъ, а не честнымъ и благороднымъ людямъ. Одно только объ немъ можно сказать хорошое: онъ не взяточникъ и не грабитель, но за то г-жа Дюгамель

всюду вмѣшивается, вездѣ принимаетъ участіе и распоряжается по своему усмотрѣнію, сообразно съ своими видами. Ловкіе люди подмѣтили вліяніе ея на мужа и отлично воспользовались этимъ открытіемъ. Говорятъ о нѣкоторыхъ интересныхъ дѣлахъ докладываютъ прежде ей, а она уже настроиваетъ мужа.

Дюгамель предоставилъ совѣтнику распорядиться съ предложеніемъ шефа жандармовъ, а тотъ какъ истый бюрократъ препроводилъ его для исполненія къ Тобольскому губернатору Виноградскому. Послѣдній, зная хорошо содержаніе рапорта Масолова, написалъ тоже самое, что и этотъ жандармъ и въ подтвержденіе всего написаннаго имъ, приложилъ подлинное донесеніе полицмейстера Кувичинскаго, отъ котораго собралъ свѣденіе и Масоловъ, присоединивши свое объясненіе такого рода: что поводъ къ заявленію сочувствія Михайлову подалъ Соколовъ, который приказалъ перевезть его изъ кандальнаго отдѣленія въ дворянское; что приказалъ его расковать, потомъ посылалъ ему въ острогъ лекарства и жареныхъ рябчиковъ, бралъ его къ себѣ въ домъ на обѣдъ, что примѣру его послѣдовали другіе, въ особенности лекарь Анучинъ, который увлекся, будто-бы его статьями и руководимъ даже имъ въ литературныхъ занятіяхъ, что Соколовъ, обязанный циркулярнымъ предписаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ имѣть наблюденіе за острогомъ, умышленно допустилъ послабленіе въ содержаніи Михайлова въ острогѣ, и не докладывалъ ему о выѣздахъ этого преступника къ частнымъ лицамъ и о посѣщеніи его послѣдними. Такимъ образомъ обвиненіе Соколова шло crescendo: Масоловъ слегка выдвинулъ на первый планъ, а губернаторъ окончательно поставилъ его во главѣ

дѣйствія, разумѣется проводя одинаковую съ Масоловымъ мысль, что въ пріемѣ Михайлова въ дома скрывалась политическая цѣль. Получивши такое громкое донесеніе, Дюгамель не въ состояніи былъ вникнуть въ смыслъ его, не въ состояніи былъ сообразить — можетъ-ли быть дѣйствительно такъ, какъ описалъ Виноградскій; а просто спросилъ совѣтника Лещева, зятя бывшаго генералъ-губернатора Гасфорда, истаго бюрократа, что̀ надобно сдѣлать съ донесеніемъ губернатора. Тотъ присовѣтовалъ представить подлинникомъ раппортъ жандармовъ съ приложеніемъ раппорта полицмейстера, безъ всякаго съ своей стороны заключенія. Такъ и сдѣлалъ начальникъ края. Все это дѣлалось въ отсутствіи Соколова, который былъ въ то время въ Москвѣ, выѣхавъ изъ Тобольска въ половинѣ Іюля до пріѣзда Масолова для секретнаго дознанія; иначе ни одинъ изъ нихъ не рѣшился-бы плесть эту интригу, какъ-бы ни далеко простиралась ихъ месть.

Пославши донесеніе, Виноградскій расчитывалъ, что съ Соколовымъ поступятъ точно также, какъ съ управляющимъ провіантскою коммиссіею Куткинымъ, въ 1810 году во времена всесильнаго Аракчеева. Куткина не взлюбилъ Пестель, и искалъ случая погубить его. Когда Куткинъ отправился въ Петербургъ, получивши отпускъ съ намѣреніемъ перемѣнить мѣсто служенія, Пестель вслѣдъ за нимъ послалъ къ Аракчееву донесеніе, въ которомъ выставилъ его грабителемъ казны. Не успѣлъ Куткинъ представиться къ своему начальству, какъ по приказанію Аракчеева схватили его, посадили на повозку, отправили подъ карауломъ въ Тобольскъ на гауптвахту и предали суду, да девять лѣтъ и продержали его подъ арестомъ, и только

въ 1819 году Сперанскій обратилъ вниманіе на него. Дѣло разсмотрѣли и не нашли никакой вины его. Дѣло Пестеля съ Куткинымъ очень памятно въ Тобольскѣ, и Виноградскій жилъ въ то время и былъ очевидецъ этого. Онъ и поступилъ съ Соколовымъ, какъ Пестель съ Куткинымъ. Но ошибся немножко во времени. То было 50 лѣтъ тому назадъ. Пославши донесеніе, онъ объявилъ приближеннымъ, что онъ отвѣтилъ на всѣ статьи Соколова однимъ разомъ, навѣрно теперь писать больше не будетъ; потомъ чрезъ нѣсколько времени сказалъ, что онъ арестованъ, и сидитъ въ крѣпкомъ мѣстѣ. Но случилось вовсе не такъ какъ предполагалъ Виноградскій. По полученіи донесенія отъ генералъ-губернатора съ вышесказанными приложеніями, происходило совѣщаніе между министромъ внутреннихъ дѣлъ и шефомъ жандармовъ, которые рѣшили испросить высочайшее повѣленіе о производствѣ слѣдствія. Слѣдователемъ избранъ былъ свитскій генералъ-маіоръ Сколковъ, долго бывшій прежде адъютантомъ князя Меншикова, человѣкъ честной, добрый, умный и благородный. Дѣлопроизводителемъ къ нему Валуевъ назначилъ чиновника Львова, брата того поручика, котораго убилъ полковникъ Фонъ-Раденъ, лѣтомъ 1862 года, оправданный флигель-адъютантомъ Яновскимъ. Депутатами назначили отъ министерства внутреннихъ дѣлъ чиновника особыхъ порученій Кузмича, человѣка неспособнаго; отъ министерства же юстиціи — исправляющаго должность оберъ-прокурора Афонасенко, сенатскую крысу, выжигу, который привыкъ не смѣть свое сужденіе имѣть, а дѣлать какъ прикажутъ. Онъ тотчасъ объявилъ своимъ знакомымъ, что Василій Андреевичъ смотритъ на это дѣло, какъ на весьма важное, слѣдовательно, оно

должно быть такимъ; Василій Андреевичъ говоритъ, что тутъ скрывается политическій замыселъ, слѣдовательно, это мнѣніе его надо поддерживать и угодить ему. Съ такими правилами прослужилъ Афонасенко около 30 лѣтъ въ Сенатѣ и былъ извѣстенъ начальству за самаго ревностнаго исполнителя не только начальническихъ приказаній, но даже однихъ намековъ ихъ.

Передъ началомъ слѣдствія распорядились такъ: Соколова уволили въ отставку безъ его вѣдома, Виноградскаго причислили къ министерству, Колена съ Ланскимъ смѣнили, а прочихъ оставили при своихъ должностяхъ. Такъ какъ Соколовъ былъ въ Петербургѣ, то съ жандармскимъ оффицеромъ отправили его въ Тобольскъ на слѣдствіе. Какъ видно, Виноградскій немножко ошибся въ своемъ расчетѣ, относительно Соколова, съ тою только разницею, что и самъ не ускользнулъ: расчитывая получить звѣзду, къ которой Дюгамель представилъ его за отличное управленіе губерніею, попалъ въ министерство. Говорятъ, что это еще милостиво поступили съ вышесказанными лицами. Боже избави такихъ милостей! Не разобравши-то дѣла увольнять въ отставку! Это чисто по-турецки. При незабвенномъ Николаѣ распорядились бы еще несправедливѣе, но за то и былъ незабвенный, чтобъ свирѣпствовать надъ своими рабами! Посмотримъ-же теперь, что оказалось по слѣдствію.

Какъ ни старалась сенатская крыса Афонасенко отыскать что-нибудь политическое, какъ ни натягивалъ вездѣ, какъ ни помогалъ ему въ этомъ Кузмичъ, ничего не могли открыть больше того, что дѣйствительно было. По слѣдствію оказалось слѣдующее: Соколовъ приказалъ перевесть Михайлова изъ кандальнаго отдѣленія въ дворянское, гдѣ

всегда помѣщались каторжные изъ дворянъ и прежде Михайлова и послѣ; полицмейстеръ велѣлъ его расковать, потому, что Михайловъ былъ боленъ, да притомъ каторжные изъ дворянъ всегда содержались въ острогѣ безъ кандаловъ; онъ въ первый разъ свезъ его на обѣдъ къ подполковнику Жданъ-Пушкину, а послѣ того къ Соколову, въ другой-же разъ приказалъ отвести къ нему какому-то частному приставу, онъ-же разрѣшилъ отпустить Михайлова къ Андроникову и лекарю Анучину; прокуроръ самъ бралъ его къ себѣ, также точно и купчиха Пиленкова. Посѣщали Михайлова въ острогѣ свободно, потому что къ пересыльнымъ арестантамъ всегда былъ свободный доступъ; да и въ законѣ нѣтъ точныхъ указаній, какъ должно содержать ихъ; въ уставѣ о ссыльныхъ говорится только о содержащихся подъ стражею во время слѣдствія и суда, объ осужденныхъ-же вовсе не упоминается. Ихъ только нужно доставить на мѣсто ссылки, и лишить возможности къ побѣгу. Въ законѣ не полагается также никакого различія между преступниками — будь онъ политическій преступникъ, убійца, разбойникъ, дѣлатель фальшивыхъ монетъ; всѣ они принадлежать къ одному разряду каторжныхъ. По этому въ Тобольскѣ изъ числа пересыльныхъ выпускался изъ острога не одинъ политическій преступникъ Михайловъ, но осужденные и за другія преступленія. Далѣе оказалось, что Михайловъ, съ самаго пріѣзда въ Тобольскъ заболѣлъ, имѣлъ кровохарканье, пользованъ былъ Соколовымъ, который и бралъ его къ себѣ для изслѣдованія. Жемчужниковъ знакомъ былъ съ родными Михайлова, Пушкинъ — съ родными Михайлова и съ нимъ самымъ въ Петербургѣ, Андроникова просилъ принять участіе въ Михайловѣ

кто-то изъ петербургскихъ литераторовъ. Букета дамы ему не подносили, да и не могли носить, потому что во всемъ городѣ въ Январѣ мѣсяцѣ нельзя было достать ни одного цвѣтка. Торжественныхъ обѣдовъ ему не давали, а бывалъ онъ на семейныхъ обѣдахъ; слѣдовательно, о демонстраціи не можетъ быть и рѣчи. Наконецъ, передъ отъѣздомъ, обѣдалъ въ послѣдній разъ у Пушкина; тамъ вынуты были заклепы изъ кандаловъ; самые же кандалы положены въ мѣшокъ и доставлены въ цѣлости въ Иркутскъ вмѣстѣ съ Михайловымъ. Что ихъ разорвать нельзя, объ этомъ составленъ актъ. По этому вся нелѣпость Масолова о кольцахъ, браслетахъ и гирляндахъ сдѣлалась очевидно сама собою. Послѣ обѣда проводили за городъ и на прощаньи выпили шампанскаго; это было ночью, такъ что никто изъ жителей города и не зналъ о выѣздѣ Михайлова. За городомъ на 10 верстѣ встрѣтилъ его Соколовъ съ женою, возвращавшіеся изъ татарскихъ юртъ, и передали ему пять жареныхъ рябчиковъ на дорогу. Встрѣча эта была случайная: Соколовъ поѣхалъ было съ своей женой въ монастырь за 25 верстъ отъ города, но по случаю сильнаго мороза, вернулся назадъ, такъ какъ жена не могла вынести сильнаго холода; рябчики были взяты ими для себя, но по случаю возвращенія въ городъ, оказывались ненужными, и потому поступили къ Михайлову. Прокламаціи въ губернской типографіи не печаталось вовсе, и не было въ городѣ. Михайловъ во время посѣщеній своихъ ничего политическаго не проводилъ. Больше ничего не могли открыть, потому, что больше вышесказаннаго ничего не было. Этимъ окончилось слѣдствіе. И стоило-ли посылать изъ Петербурга одного генералъ-маіора, двухъ д. с. совѣтниковъ,

одного коллежскаго ассессора съ канцеляріей, чтобъ написать нѣсколько томовъ, въ которыхъ-бы заключалось кто посѣщалъ Михайлова и у кого онъ обѣдалъ? Правительству вездѣ представляются заговоры, революціи, пропогандисты, а III отдѣленіе изъ силъ выбивается, чтобъ открыть ихъ, и тѣмъ доказать свою полезную дѣятельность. Не даромъ-же Потаповъ, на одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь какого-то чиновника III отдѣленія, переведеннаго въ другое вѣдомство, сказалъ спичь, въ которомъ доказывалъ своимъ птенцамъ-шпіонамъ, что III отдѣленіе есть первое и самое благодѣтельное учрежденіе для Россіи, что оно назначено покойнымъ государемъ утирать слезы несчастнымъ, и этой выходкѣ оплодировали подчиненные.

Министру Валуеву и шефу жандармовъ такъ и лезутъ въ глаза революціа. Недавно они придумали было заговоръ въ Зарайскѣ, Рязанской губерніи. Дѣло было такъ: на одномъ вечерѣ сошлось нѣсколько гостей, танцовали и пили. Подпивши порядкомъ, мѣстной стряпчій и лекарь стали подтрунивать надъ солдатами музыкантами, что они несутъ тяжкую царскую службу, что лучше-бы жить въ домѣ и въ семействѣ. Тѣ объявили своему командиру — будто-бы ихъ подговаривали измѣнить царю. Узнавши объ этомъ дворянскій предводитель Повалишинъ донесъ немедленно губернатору Муравьеву, а тотъ по телеграфу министру, засадивши тотчасъ въ острогъ и стряпчаго и лекаря. Назначили изъ Петербурга слѣдователя какого-то д. с. с. Аннинскаго, который и нашелъ, что сказано выше. Выпустили арестованныхъ, продержавши 5 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Такъ-то теперь въ Россіи.

Тобольское дѣло еще не кончено: его намѣрены передать въ 1-й департаментъ правительствующаго

сената, который долженъ рѣшить, что́ должно сдѣлать съ обвиняемыми. А между тѣмъ причислили къ министерству прокурора Жемчужникова; смѣнили, говорятъ, и Масолова за то, разумѣется, что во время не донесъ о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ выѣздъ Михайлова изъ острога. Ланскому приказано въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ перейти въ другое вѣдомство. Стараго Колена состоящаго 52 года на службѣ, кажется жандармское начальство предало суду. Одно благодѣяніе для губерніи принесло Михайловское дѣло: смѣнили губернатора Виноградскаго. Вотъ все, что́ мы до сихъ поръ съ большимъ трудомъ узнали о тобольскомъ дѣлѣ, будемъ слѣдить за нимъ до конца и по окончаніи его увѣдомимъ читателей.

8 Марта, 1863.

ПОСЛѢ СМЕРТИ.

Наконецъ-то и правительство отслужило по Михайловѣ (смершему 1866) своего рода панихиду. Мы помѣщаемъ ниже „Дѣло о послабленіяхъ начальствующими лицами Михайлову, Обручеву и Макѣеву“.

Что за мелкое, гадко злое, ничтожное правительство, которое идетъ черезъ годы копаться около могилы страдальца, замученнаго имъ, и отыскивать *виновныхъ въ состраданіи*... Какъ это у нихъ нѣту никакого такта, воспитанія — коли нѣтъ сердца на столько — чтобъ понять что роль сытой гіэны, шляющейся около ею-же обглоданыхъ костей — мерзка, глупа... Будничные люди, узкіе лбы... не вамъ вести Россію на совершеніе ея судебъ, вы только можете тормозить колеса или

прибавлять грязь подъ ними. Даже *Indépendance Belge* не вынесла и пожимая плечами спросила: „Что-же выигрываетъ правительство отъ такихъ процессовъ?“

Мы перепечатываемъ эту мефитическую гадость царскаго злопамятства, для того чтобъ сохранить еще документъ для будущей характеристики этихъ людей и еще оправданье почему мы такъ отъ души ихъ ненавидимъ.

„Докладъ по этому дѣлу происходилъ, 16 Марта, во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента правительствующаго сената (въ Москвѣ). Обстоятельства дѣла слѣдующія:

„Третье отдѣленіе собственной его импер. велич. канцеляріи, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 г. получило извѣстіе, что начальствующія лица города Тобольска оказывали послабленіе содержавшемуся въ тобольскомъ пересыльномъ замкѣ государственному преступнику Михайлову, который, будучи отправленъ изъ Петербурга 1861 г. и, прибывъ въ Тобольскъ 30 Декабря того же года, не отправлялся къ мѣсту ссылки до 27 Января 1862 г.; что все тобольское общество оказывало ему сочувствіе; что, по прибытіи въ Тобольскъ, онъ былъ раскованъ и содержался въ тобольскомъ замкѣ незакованнымъ; что вице-губернаторъ Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ и начальникъ провіантской коммиссіи, полковникъ Жданъ-Пушкинъ, принимали его у себя въ домахъ и вмѣстѣ съ нимъ обѣдали; что въ Михайлову въ тюремный замокъ пріѣзжали и оказывали сочувствіе къ его положенію военный медикъ Онучинъ, жена его, директриса тюремнаго комитета купчиха Пиленкова и другія дамы, которыя подносили Михайлову букеты цвѣтовъ; что въ тотъ день, когда Михайловъ долженъ былъ отправляться изъ Тобольска къ мѣсту ссылки — въ Нерчинскъ, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, изъ которой онъ былъ отправленъ, разбиты были его кандалы и кольцо изъ нихъ послѣ видѣли на столѣ у вице-губернатора съ привязанною дощечкою, на которой было написано: „Покровителю угнетенныхъ — отъ Михайлова“; что, при самомъ выѣздѣ Михайлова изъ города, повозка его остановлена была у заставы, гдѣ многіе мужчины и дамы прощались съ нимъ, пили шампанское и кричали „ура!“; а за заставою онъ былъ остановленъ вице-губернаторомъ Соколовымъ, который прощался тутъ съ нимъ и далъ коробку съ чѣмъ-то.

„Вслѣдствіе этого донесенія, государю императору благоугодно было назначить изслѣдованіе о противузаконныхъ послабленіяхъ начальствующихъ лицъ города Тобольска, оказанныхъ государственному преступнику Михайлову, и вообще о сочувствіи къ его преступленію тобольскаго общества, для чего и назначенъ былъ генералъ-маіоръ Сколковъ. При слѣдствіи, произведенномъ послѣднимъ, оказалось, что со стороны начальствующихъ лицъ города Тобольска дѣлано было одинаковое послабленіе съ Михайловымъ государственному преступнику Обручеву и безсрочно-ссыльнокаторжному Макѣеву.

„Показанія обвиняемыхъ при слѣдствіи были слѣдующія:

„Смотритель тобольскаго тюремнаго замка, Козаковъ. Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ, во время бытности ихъ въ Тобольскѣ, содержались не на кандальномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ, съ разрѣшенія, по отношенію къ Михайлову, тобольскаго вице-губернатора. Камеры ихъ не запирались. Обручевъ и Макѣевъ доставлены были въ Тобольскъ безъ оковъ и незакованными же были отправлены изъ Тобольска къ мѣсту ссылки. Михайловъ прибылъ закованный; по прибытіи помѣщенъ былъ не въ замкѣ, а въ квартирѣ надзирателя острога, Устюгова, и въ тотъ же день, по приказанію полицмейстера, былъ раскованъ, и затѣмъ переведенъ во флигель для подсудимыхъ дворянъ. Камера его, также какъ у Обручева и Макѣева, не запиралась. Увольнялся онъ изъ замка, съ разрѣшенія полицмейстера, къ вице-губернатору Соколову, лекарю Онучину и другимъ лицамъ. Посѣтители бывали у Михайлова съ разрѣшенія вице-губернатора.

„Отъ этого послѣдняго показанія Козаковъ на другомъ допросѣ отказался, объяснивъ, что ссылку на вице-губернатора научилъ его сдѣлать полицмейстеръ Кувичинскій, а что на самомъ дѣлѣ впускалъ посѣтителей онъ самъ, безъ билетовъ, въ чемъ и сознаетъ себя виновнымъ.

„Показаніе полицмейстера Кувичинскаго. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ содержались не на кандальномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ; но это было сдѣлано по издавна заведенному порядку въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ отдѣлялись содержавшіеся преступники привиллегированныхъ сословій отъ простаго. Что же касается того, что давалъ ли онъ прямо приказаніе смотрителю замка Козакову о содержаніи Михайлова, Обручева и Макѣева во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, то онъ этого не помнитъ; но, можетъ

быть, и давалъ. Камеры означенныхъ трехъ преступниковъ никогда не запирались, также по существующему издавна порядку. Отдавалъ ли онъ приказаніе смотрителю расковать Михайлова по прибытіи его въ Тобольскъ, не помнитъ, но не отрицаетъ, что могъ и отдавать, уважая въ преступникѣ дворянское сословіе, къ которому послѣдній прежде принадлежалъ. О посѣщеніяхъ, дѣлаемыхъ къ Михайлову разными лицами, онъ въ началѣ ничего не зналъ, но когда смотритель доложилъ ему объ этомъ, то онъ не приказалъ никого пропускать безъ его записокъ; самъ же дозволилъ бывать у Михайлова только полковнику Жданъ-Пушкину, а также дозволилъ Михайлову быть на обѣдѣ у лекаря Онучина. Въ самый день отправленія Михайлова изъ Тобольска къ мѣсту ссылки, онъ дозволилъ ему быть въ домѣ Жданъ-Пушкина, откуда Михайловъ отправился въ Нерчинскъ, а не заковалъ его при отправленіи потому, что не пришло это въ голову.

„Генералъ-маіоръ Сколковъ, при произведеніи слѣдствія, открылъ, по отношенію къ Михайлову, слѣдующее обстоятельство: На другой день, по прибытіи Михайлова въ Тобольскъ, лекарь тюремнаго замка, по обыкновенію, осматривалъ его и нашелъ, что у него сильное кровохарканіе, а на тѣлѣ были синяки на нижней части голеней, почему началъ его лечить, но, по тѣсноте помѣщенія въ больницѣ, Михайловъ, во время леченія, оставался въ своей камерѣ и поэтому же оставленъ былъ въ Тобольскѣ съ 31 Декабря 1861 г. до 27 Января 1862 г. Въ Январѣ 1862 года Михайловъ подавалъ прошеніе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ, о разрѣшеніи ему отправиться къ мѣсту ссылки, по болѣзненному его состоянію, не съ партіею пересыльныхъ арестантовъ, а на почтовыхъ. Вслѣдствіе этого прошенія, тобольская врачебная управа свидѣтельствовала Михайлова, и нашла, что онъ дѣйствительно не можетъ не только что идти съ партіею арестантовъ, но не можетъ даже слѣдовать и на пересыльныхъ подводахъ, почему разрѣшено ему было отправиться, на свой счетъ, на почтовыхъ. Въ день отправленія его въ ссылку изъ Тобольска, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, по показанію находившагося у послѣдняго въ услуженіи человѣка Лыскова, капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій взялъ изъ чемодана Михайлова, гдѣ лежали арестантскія его вещи, кандалы, разбивалъ ихъ молоткомъ, а жена Жданъ-Пушкина сказала, будто бы, что кольцо отъ этихъ кандаловъ нужно оставить на память о Михайловѣ. Но это показаніе Лыскова опровергается показаніями двухъ жандармовъ, сопровождавшихъ Михайлова изъ Тобольска, кото-

рые объяснили слѣдственной коммиссіи, что, принимая изъ квартиры Жданъ-Пушкина арестантскія вещи Михайлова, они приняли, вмѣстѣ съ ними, и кандалы его, совсѣмъ цѣлыя. Кромѣ того, въ коммиссіи, для большаго убѣжденія, по распоряженію генералъ-маіора Сколкова, при кузнецахъ, разбивались арестантскія кандалы молоткомъ, и оказалось, что, безъ помощи кузнеца, разбить ихъ невозможно, о чемъ и составленъ былъ генералъ-маіоромъ Сколковымъ актъ.

„Продолжаются показанія подсудимыхъ.

„Показаніе тобольскаго губернатора Виноградскаго. О послабленіяхъ, которыя оказывались Михайлову, Обручеву и Макѣеву, онъ совершенно ничего не зналъ. Вице-губернаторъ и директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, напротивъ, всегда представляли ему, что въ тюремномъ замкѣ нѣтъ никакихъ безпорядковъ; самъ же онъ не могъ бы допустить ихъ, потому что хорошо знаетъ, что всякое послабленіе, оказываемое такимъ преступникамъ какъ Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ, есть протестъ противъ правительства. Объ этихъ послабленіяхъ онъ не могъ имѣть даже частныхъ свѣденій, потому что не имѣлъ никакихъ частныхъ сношеній съ обществомъ: все время его поглощалось служебными занятіями, въ которыхъ онъ, какъ человѣкъ бѣдный, видѣлъ всю цѣль своей дѣятельности. Кромѣ того, во время бытности Михайлова въ Тобольскѣ, онъ занятъ былъ приготовленіемъ къ ожидавшейся ревизіи генералъ-губернатора, и потому узналъ о послабленіяхъ, дѣлавшихся преступникамъ, только изъ бумаги, полученной имъ отъ генералъ-губернатора, вслѣдствіе которой онъ потребовалъ донесенія объ этомъ предметѣ отъ полиціймейстера, и получилъ объясненіе, что послабленія преступникамъ дѣлались смотрителемъ замка по приказанію вице-губернатора и прокурора. Это донесеніе онъ препроводилъ отъ себя къ генералъ-губернатору. Доходили до него частные слухи, что преступникъ Макѣевъ отлучался изъ замка къ прокурору, за что онъ дѣлалъ выговоръ полиціймейстеру. Въ статейномъ же спискѣ Макѣева не сказано было, что онъ отправляется въ ссылку закованнымъ и изъ свѣденій, полученныхъ имъ отъ приказа о ссыльныхъ, видно было, что онъ прибылъ въ Тобольскъ незакованный. Обручеву, по ходатайству жандармскаго штабъ-оффицера, онъ позволялъ прогуливаться, для здоровья, около памятника Ермака, въ сопровожденіи жандарма.

„Показаніе вице-губернатора Соколова. Какъ предсѣдатель губернскаго правленія, онъ постоянно занимался дѣлами о преступникахъ; какъ директоръ попечительнаго

о тюрьмахъ комитета, онъ постоянно бывалъ въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ для наблюденія за помѣщеніемъ арестантовъ, а какъ докторъ*) считалъ своею обязанностью всегда помогать преступникамъ въ ихъ недугахъ, и Михайлова онъ сожалѣлъ, какъ больнаго человѣка. Занимаясь, впродолженіе 10 лѣтъ, изученіемъ легочной чахотки, въ доказательство чего представляетъ нѣсколько статей своихъ объ этой болѣзни, онъ видѣлъ въ Михайловѣ не только что больнаго, достойнаго сожалѣнія, но и интересный субъектъ для изученія со стороны науки; зналъ онъ его только по литературнымъ трудамъ и, въ особенности, по его статьямъ о женщинахъ. На квартиру къ себѣ Михайлова онъ дѣйствительно призывалъ, для поданія медицинскаго пособія; а такъ какъ Михайловъ являлся къ нему къ четыремъ часамъ, то онъ оставлялъ его у себя обѣдать, но въ шесть часовъ отправлялъ въ замокъ, подъ присмотромъ полицейскаго чиновника, который его къ нему и привозилъ. Этихъ случаевъ было только два. Впрочемъ, главный начальникъ всѣхъ тюремныхъ заключеній въ губерніи — губернаторъ, который, впродолженіе трехъ лѣтъ совмѣстнаго служенія съ нимъ, никогда не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній по поводу неисполненія лежавшихъ на немъ обязанностей, относительно тюремныхъ заключеній, между тѣмъ, какъ самъ губернаторъ, впродолженіе трехъ лѣтъ, былъ въ острогѣ не болѣе трехъ разъ. Что касается прощанія съ Михайловымъ за заставою, то происходило оно слѣдующимъ образомъ: онъ поѣхалъ съ женою своею, по случаю болѣзни послѣдней, въ загородный монастырь; но, не доѣзжая до монастыря, долженъ былъ возвратиться назадъ, по причинѣ усилившагося вдругъ холода и вѣтра. На возвратномъ пути увидѣлъ онъ ѣхавшую по направленію отъ города повозку, но не зналъ, кто въ ней сидитъ, а когда подъѣхалъ къ ней, то увидѣлъ сидящаго въ повозкѣ Михайлова, и потому остановился проститься, причемъ отдалъ послѣднему бывшую съ нимъ коробку съ 5 рябчиками; но это было сдѣлано подаяніе, которое законъ на воспрещаетъ давать преступникамъ и которое дѣлается въ Россіи повсемѣстно.

„Показаніе прокурора Жемчужникова. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макѣевъ содержались во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, потому что по порядку, изстари заведенному въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, содержащіеся арестанты изъ привиллегированнаго сословія отдѣлялись отъ простыхъ, что, по его мнѣнію, непротиворѣчитъ 101 ст.

*) Тобольскій вице-губернаторъ Соколовъ — докторъ.

XIV т. уст. о содержаніи подъ стр.; а такъ какъ Михайловъ и Макѣевъ помѣщались хотя и въ одномъ корридорѣ, но въ разныхъ камерахъ, то, слѣдовательно, 101 ст. не была нарушена. Во время содержанія онъ видѣлъ ихъ раскованными, но приказанія расковывать не давалъ; заковать же ихъ онъ не могъ приказать, потому что, на основаніи законовъ, лица привиллегированнаго сословія освобождаются отъ оковъ, и онъ считаетъ, что дѣйствія его были бы болѣе противозаконныя, еслибъ онъ приказалъ заковать Михайлова и Макѣева. Кромѣ того, вопросъ о заковываніи преступниковъ въ разныхъ мѣстахъ понимается различно. Такъ, Михайловъ, осужденный въ каторгу на 6 лѣтъ, присланъ былъ въ оковахъ, а шведскій поданный Бонгардъ, изъ Варшавы, осужденный въ каторгу на 12 лѣтъ — безъ оковъ; слѣдовательно, незакованіе Михайлова можетъ быть отнесено къ ошибочному пониманію закона. О посѣщеніи Михайлова разными лицами онъ ничего не зналъ. Одинъ разъ бралъ его къ себѣ обѣдать съ тою цѣлью, чтобъ дать ему возможность, при его сильной болѣзни, воспользоваться хорошею пищею и разрѣшенія на это ни у кого не спрашивалъ. Разговоровъ съ нимъ ни о чемъ противозаконномъ не имѣлъ, а говорилъ только о своихъ племянникахъ, которыхъ Михайловъ зналъ давно, потому что жилъ въ томъ городѣ, въ которомъ жила его родная сестра. Сочувствія къ нему, какъ къ государственному преступнику, не имѣлъ, а сочувствовалъ ему, какъ человѣку несчастному и больному, и смотрѣлъ на это сочувствіе, какъ на дѣло состраданія къ ближнему, примѣръ котораго показывалъ самъ государь императоръ. Конфирмаціи надъ Михайловымъ онъ не читалъ; но изъ словъ послѣдняго узналъ, что онъ осужденъ былъ за найденное у него сочиненіе, авторомъ котораго былъ не онъ, но принялъ его на себя, чтобъ отстранить отъ отвѣтственности дѣйствительнаго автора, и это обстоятельство не могло не возбудить въ немъ, Жемчужниковѣ, сочувствія къ осужденному, пострадавшему за другихъ; о самомъ же этомъ сочиненіи онъ ничего не зналъ. Притомъ, онъ не предполагалъ, чтобъ правительство, ввѣривъ ему должность прокурора, усомнилось, въ его преданности и чистотѣ дѣйствій. Макѣева онъ зналъ съ того времени, когда тому было шесть лѣтъ, былъ знакомъ съ его родителями, обласканъ ими, и потому положеніе этого арестанта не могло не заинтересовать его тѣмъ болѣе, что по словамъ Макѣева, преступленіе было совершено имъ въ чаду, въ порывѣ необдуманности, и онъ видѣлъ, что хотя наказніе, назначенное осужденному, было жестоко, по угрызенія

совѣсти за совершенное преступленіе мучили его сильнѣе наказанія. Кромѣ того, Макѣевъ, на пути слѣдованія, въ Тюмени, перенесъ сильнѣйшую горячку, послѣ которой, не оправившись, прибылъ въ Тобольскъ. Видя въ немъ, какъ и Михайловѣ, человѣка страдающаго болѣзнью, онъ бралъ его къ себѣ обѣдать, съ тою же цѣлью, какъ и перваго, и зналъ, что они бывали въ домахъ у нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ Тобольска, хотя самъ не встрѣчалъ ихъ ни въ одномъ домѣ; но не придавалъ важности отлучкамъ ихъ изъ замка, во-первыхъ, по болѣзненному ихъ состоянію, а во-вторыхъ, потому что въ законахъ нѣтъ статьи, запрещающей выпускать временно-пересыльныхъ арестантовъ изъ ихъ заключеній; если же и существуетъ въ XIV т. 190 ст., то она относится къ арестантамъ подсудимымъ, а не пересыльнымъ.

„На это объясненіе прокурора сдѣлано было ему коммиссіею замѣчаніе, что если нѣтъ въ законахъ статьи, запрещающей выпускать пересыльныхъ арестантовъ, то нѣтъ и такой, которая дозволяла это дѣлать, и потому онъ долженъ былъ сообразоваться съ духомъ законовъ. Прокуроръ отвѣчалъ, что, во-первыхъ, если законъ чего на запрещаетъ, то, значитъ, дозволяетъ, а во-вторыхъ, онъ сообразовался съ духомъ законовъ, почему арестанты и не выпускались безъ различія; но особенно онъ сообразовался при этомъ съ духомъ той власти, отъ которой исходитъ законъ. Духъ государя императора выражается въ милости и снисхожденіи, что показалъ онъ тотчасъ же по восшествіи своемъ на престолъ, освободивъ изъ ссылки политическихъ преступниковъ и Михайлову уменьшилъ срокъ работъ, назначенный ему при осужденіи.

„Производившій слѣдствіе, генералъ-маіоръ Сколковъ донесъ, что общество тобольское вовсе не сочувствовало преступленію Михайлова, что букетовъ дамы ему не подносили, потому что при сибирскихъ морозахъ очень трудно имѣть живые цвѣты и что если нѣкоторыя изъ лицъ города и выказывали сочувствіе Михайлову, то это дѣлалось: или изъ желанія прослыть передовыми людьми, покровительствующими литературу, или изъ подражанія другимъ. Вице-губернаторъ Соколовъ оказывалъ участіе Михайлову, съ цѣлью сблизиться черезъ него съ литераторами и пріобрѣсти для себя сотрудничество въ какомъ-нибудь журналѣ. Полковникъ Жданъ-Пушкинъ знакомъ былъ съ Михайловымъ въ Петербургѣ, и потому встрѣтилъ его въ Тобольскѣ, какъ знакомаго.

„Произведенное слѣдствіе, по окончаніи, передано было на соглашеніе министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ корпуса

жандармовъ, по докладу которыхъ государь императоръ повелѣлъ передать его въ первый департаментъ правительствующаго сената, для опредѣленія порядка отвѣтственности виновныхъ, такъ какъ они принадлежали къ разнымъ министерствамъ. 1-й департ. правительствующаго сената требовалъ заключенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ и шефа корпуса жандармовъ, относительно опредѣленія отвѣтственности виновныхъ, находящихся въ ихъ непосредственномъ распоряженіи, на что министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ сенату, что губернаторъ Виноградскій и вице-губернаторъ Соколовъ подлежатъ отвѣтственности, послѣ отдаленія отъ должности, за превышеніе и бездѣятельность власти, по 383 ст. XV т., а шефъ корпуса жандармовъ нашелъ нужнымъ предать военному суду тобольскаго жандармскаго штабъ-офицера. Послѣ этого, 1-й департ. правительствующаго сената опредѣлилъ губернатору Виноградскому, уволенному отъ должности, сдѣлать выговоръ въ административномъ порядкѣ, а вице-губернатора, прокурора, полицеймейстера и смотрителя тюремскаго замка предать суду. Комитетъ министровъ, въ который поступило опредѣленіе это правительствующаго сената, нашелъ, что губернаторъ Виноградскій, также какъ и другіе, долженъ быть преданъ суду, на что воспослѣдовало высочайшее соизволеніе. Военный медикъ Онучинъ и капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій, по распоряженію военнаго министра, уволены отъ службы безъ прошеній."

И въ тоже самое время въ Англіи освободили безъ наказанія волонтера ирландца, который подъ хмелькомъ говорилъ, что намѣренъ убить принца Уэльскаго!

ВЕЙМАРЪ:
въ типографіи Г. Ущмана.

WEIMAR:
Druck von G. Uschmann.